

Один из пяти
самых популярных и продаваемых
писателей Франции.

ЛОРАН ГУНЕЛЬ

Впервые на русском!

ИНТУИЦИО

О загадочной силе интуиции
в головокружительном триллере Лорана Гунеля.

RTBF

Лоран Гунель

Интуицио

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гунель Л.

Интуицио / Л. Гунель — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-21097-4

Тимоти Фишер, молодой писатель из Нью-Йорка, получает очень странное предложение – его просят помочь в расследовании ФБР целой серии поджогов, которые в недавнем прошлом потрясли всю Америку: один за другим были разрушены несколько небоскребов в разных городах. Однако речь идет не просто о консультации. Фишеру предлагают стать членом специальной засекреченной лаборатории «провидцев», задача которой – определить следующую цель поджигателя с помощью... интуиции. Все это либо сон, либо грандиозный розыгрыш. Но действительность превосходит все предположения... «Интуицио» – долгожданный новый роман Лорана Гунеля, одного из самых популярных и успешных беллетристов Франции, автора мировых бестселлеров «Человек, который хотел стать счастливым», «Бог всегда путешествует инкогнито» и других, изданных во многих странах мира. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-21097-4

© Гунель Л., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

От автора	6
Пролог	7
1	8
2	10
3	17
4	23
5	29
6	35
7	42
8	44
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лоран Гунель Интуицио

Laurent Gounelle
INTUITIO

Copyright © Calmann-Lévy, 2021

© А. А. Луцанов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Алексису Шампюну

От автора

Эта книга – вымысел. Все персонажи, в том числе и публичные персоны, придуманы, так же как их поступки. Любое сходство с реальностью – чистая случайность.

Впрочем, когда речь идет об упомянутых в романе финансовых компаниях, существующих на самом деле, действительность зачастую превосходит любой вымысел...

Сцены, связанные с предвидением, хотя и могут показаться читателю странными, фантастическими и даже бредовыми, на самом деле вполне реалистичны. Я готов утверждать это по той простой причине, что лично пережил под руководством профессионала опыт, очень похожий на тот, что выпал персонажам настоящей истории...

Пролог

*Интуиция – это священный дар, а рациональный ум – верный слуга.
Мы создали общество, которое воздаст почести слуге и забыло о даре.
Альберт Эйнштейн*

*Самого главного глазами не увидишь.
Антуан де Сент-Экзюпери*

Я не скажу вам, как меня зовут: мою фамилию трудно произнести и вы забудете ее через пять минут. Предпочитаю использовать авторское имя, псевдоним, которым я подписываю детективные романы, источник моего существования, – Тимоти Фишер¹. Оно хорошо звучит, *Фишер*, легко запоминается и, в конце концов, отлично передает суть моего ремесла, состоящего в том, чтобы пытаться поймать, как на рыбалке, интересные идеи.

Не стану также распространяться по поводу своей внешности. Я выгляжу так банально, что даже детальное описание моего среднего роста, обычной комплекции, каштановых волос или карих глаз ни к чему не приведет: вы все равно не узнаете меня, встретив на улице.

Мои умственные способности тоже не выходят за пределы заурядного. Впрочем, я достиг среднестатистических результатов в среднестатистическом учебном заведении, которое я окончил в среднестатистическом американском городе. И теперь романы, которые я пишу, пользуются среднестатистическим успехом, хотя я убежден в их качестве. Однако нет никаких сомнений в том, что для успеха требуется быть неординарной личностью: обладать очень красивой или незаурядной внешностью, такой, которая притягивает внимание и запоминается, или же красноречием, вызывающим желание вас слушать, или же чувством юмора, привлекающим тех, кто ищет приятную компанию.

Конечно, я не совсем лишен этих качеств, но все они выражены довольно посредственно. Как у многих-многих других.

А вот что во мне необычно – так это опыт, который я недавно пережил и которым намерен поделиться со всеми, кто – как прежде и я – считает, что ведет банальное, ничем не примечательное существование. На самом деле мир скрывает нечто такое, о чем даже не подозреваешь, нечто, способное внезапно возникнуть из повседневности, наподобие изображения на бумаге, опущенной фотографом в проявитель, нечто, что позволяет увидеть жизнь такой, как она есть, – необыкновенной.

¹ Фишер (от англ. Fisher) – рыбак. – Здесь и далее примеч. переводчика.

1

Чикаго, штат Иллинойс

Ночной ветер свистел между небоскребами. Неуловимый и невидимый, он все же давал о себе знать немилосердным холодом за несколько дней до наступления весны. Немногочисленные посетители расположились за столиками на террасе бистро, большинство же предпочитало выпивать внутри в ожидании ужина. Бросить вызов прохладе отважились лишь самые убежденные курильщики, оккупировав, как обычно по вечерам, большую террасу заведения на набережной канала в самом центре города, прямо напротив леса освещенных небоскребов.

Накануне тысячи толпившихся на набережной людей радостно восхищались водами реки, которую власти каждый год окрашивали в ярко-зеленый цвет ко Дню святого Патрика в честь всех ирландцев города.

Человек, сидевший за столиком в одиночестве, не курил. Он даже не прикоснулся к напитку, который официант принес ему полчаса назад. Длинные волосы, забранные в хвост, коричневая бейсболка, надвинутая до бровей, взгляд, неразличимый за темными стеклами очков в бежевой оправе; с включенным ноутбуком на столике, он сосредоточился на том, что происходило на другом берегу. Полиция заблокировала прилегающие улицы, из мегафонов громко раздавались приказы об эвакуации, время от времени заглушаемые пронзительным воем сирен. Мощные прожекторы обшаривали стены башен из стекла и бетона, чтобы предупредить тех, кто мог не услышать сигналов тревоги и не обратил внимания на поднявшийся переполох. По опустевшим улицам бежали люди, затюканные офисные клерки. Таких оторвать от работы можно только истошными призывами полиции, особенно когда рабочий день давно закончен.

– Смотрите! Дым! – воскликнул один из сидевших на террасе.

– О боже! – прошептала женщина за соседним столиком.

Мужчина нажал на несколько кнопок на клавиатуре, секунду подождал, затем медленно закрыл ноутбук и положил его в сумку, по-прежнему не сводя глаз с вида напротив.

От одного из небоскребов, расположенного чуть левее, поднимался густой черный дым. Снаружи пламени пока видно не было. Длинные струи воды устремились к зданию с нескольких точек, выбранных пожарными для атаки.

Со всех сторон раздавались тревожные возгласы. Часть посетителей высыпала из ресторана на террасу, в то время как остальные призывали вернуться в тепло.

Мужчина все еще не двигался.

Внезапно послышался какой-то гул, сперва едва уловимый, но затем все более громкий и глухой, который, казалось, исходил из земных недр. Здание задрожало, сначала едва заметно, затем вибрация усилилась и побежала по этажам опасной волной.

Ночь разорвали отдаленные крики, их подхватывали тут и там, пока они не прозвучали где-то совсем близко. И вдруг сотни людей, вопя что было сил, бросились прочь из квартала у башни. Стоявшие на террасе замерли в молчании, через мгновение некоторые тоже закричали.

Небоскреб обрушился под собственным весом, словно его взорвали; почти беззвучно, будто его вдохнуло собственное основание, он покорно исчез с лица земли.

Чудовищное темное облако густой пыли взметнулось над кварталом, как огромный атомный гриб, поднялось к небу и заполонило все вокруг.

Посетители, сидевшие на террасе, все как один, с окаменевшими от ужаса лицами, повскакивали со своих мест.

Облако пыли с огромной скоростью несло прямо на них, будто злая тень, которая нависла над городом, грозя свергнуть его в кромешную тьму...

И тут началось бегство. Испуганные люди с криками кинулись врассыпную.

Выскочившая откуда-то гигантская крыса принялась метаться из стороны в сторону, словно обезглавленная курица.

Мужчина спокойно наблюдал за происходящим, и только когда густое пыльное облако навалилось на него плотной удушливой тяжестью, проникая в нос, горло и глаза, он вынул из кармана бумажник, не без труда отсчитал в полумраке четыре доллара пятнадцать центов и положил их на стол в уплату за напиток. А затем исчез в темных закоулках взбудораженного города.

2

Бернс-стрит, Квинс, Нью-Йорк

Я с грохотом катил чемодан на колесиках по выщербленному тротуару перед своим домом, когда Линн, соседка из квартиры напротив, рыжая малявка с лукавыми зелеными глазами, окликнула меня, выйдя босиком на улицу.

– Привет, Тимоти! Возвращаешься из поездки в понедельник утром?

– Небольшой уик-энд на Гавайях.

– Летал на Гавайи только на выходные? Ты ни в чем себе не отказываешь!

– Получил предложение в последний момент, вышло даже дешевле, чем в отеле на соседней улице.

– А мне казалось, что ты за экологию! – сказала она со смехом.

Я вдохнул, обреченно пожав плечами:

– Мне нужен был отпуск.

В сточной канаве я заметил мышь, которая шмыгнула в ливневку.

В мягком весеннем воздухе пахло дождем. Почти как во время грозы в горах.

Приподнявшись на цыпочки, Линн вернулась босиком в свой садик, пожелав мне доброго дня.

Она постоянно попадалась мне на глаза, словно специально меня поджидала, и всегда находила повод завязать разговор. Раньше она занималась журналистскими расследованиями, но была вынуждена поменять работу из-за кризиса прессы. Она была умна и, пожалуй, красива, и в других обстоятельствах я мог бы позволить ей себя соблазнить, но не сейчас. Я только что пережил болезненный разрыв, и Кристен, моя бывшая, все еще занимала в моем сердце достаточно много места. Я и предположить не мог, что такие короткие отношения способны выбить меня из колеи. Всего три месяца вместе, три месяца, в течение которых я не чувствовал себя любимым, в то время как сам был влюблен сильнее, чем когда-либо. Что ж, в любви нам не всегда отвечают взаимностью.

Я открыл калитку крошечного садика, отделявшего улицу от моего дома, старого здания из красного кирпича, с черепичной крышей того же оттенка и окнами в белых рамах. Точнее сказать, половины дома, поскольку прежний владелец разделил его на две квартиры, позаботившись о том, чтобы поставить довольно высокую ограду посередине сада, дабы разделить его, не изменяя фасада. Я купил эту квартиру год назад благодаря небольшому наследству, оставленному мне отцом, который погиб в дорожной аварии. Я до сих пор не оправился после его смерти, случившейся так неожиданно, что я совершенно не был к ней готов. Он ушел вот так вдруг, в один злосчастный день, будучи совершенно здоров, крепок и полон жизни.

Я выбрал Квинс за его расположение на полпути между большим городом и пригородами, всего в нескольких станциях метро от Манхэттена.

Этим утром, проходя через садик, я внимательно посмотрел на небольшую трещину на фасаде, появившуюся несколько недель назад. Трещина в стене – плохой знак. Поднявшись по трем ступенькам крыльца, я вошел в квартиру. В большом зеркале в коридоре показалось мое измученное отражение. С выходными всегда так: уезжаешь, чтобы отдохнуть, а возвращаешься еще более уставшим.

Аль-Капоне подошел меня поприветствовать, потерявшись головой о мою ногу. Такое нечасто случается с кошками, способными отнестись к вам с презрением и заставить почувствовать свою вину за то, что вы бросили их в одиночестве на два дня. Правда, я оставил ему четыре полные миски корма, которого хватило бы, чтобы неделю кормить всех котов в квартале, и три миски воды, наполненные до краев, на тот случай, если он опрокинет две из них.

Поставив чемодан в угол, я буквально повалился на старый коричневой кожи диван «Честерфилд», настолько потрепанный временем, что вся его поверхность покрылась многочисленными трещинками.

Кот пошел за мной и принялся яростно запускать когти в обивку одного из двух клубных кресел, стоявших напротив дивана. Висевшие над ними на стене из красного кирпича черно-белые портреты Рона Макгинниса² явно осуждали меня за отсутствие реакции на такое поведение.

– Аль-Капоне!

Окрик был, конечно, лишь формальностью с моей стороны: мы оба знали, что это ни к чему не приведет.

Кот всегда атаковал одно и то же кресло, иногда глядя прямо мне в глаза, словно бросал вызов. Кожа на этом кресле была уже изорвана, тогда как второе оставалось совершенно нетронутым. Почему он выбрал именно его, а не другое? И не диван? Об этом знал только сам Аль-Капоне.

Я оставил свой ноутбук на виду, может быть, даже слишком на виду, на маленьком письменном столе у окна. Обычно я прятал его, когда уезжал на уик-энд. В ноутбуке был мой будущий роман, и я не мог позволить ему попасть не в те руки. А несколько жалких прутьев решетки на окнах первого этажа едва ли помешали бы вору проникнуть в квартиру.

Звонок мобильного телефона заставил Аль-Капоне подпрыгнуть на месте.

Номер абонента был скрыт.

– Привет, Тимоти, это Билл.

– Мм... Какой Билл?

Вздых на другом конце трубки.

– Билл Кримсон, литературный агент, который день за днем из кожи вон лезет, чтобы построить твою писательскую карьеру.

– Ладно, не дуйся, я знаю как минимум четверых или пятерых Биллов...

– Ты единственный в мире человек, который не узнает мой насквозь прокуренный голос!

– Хочешь, чтобы я попросил прощения?

– Когда ты услышишь, зачем я звоню, устыдишься навеки, что не узнал меня.

Я ничего не ответил, но в моей душе зажегся скромный лучик надежды.

– Я заполучил Опру, – гордо заявил он.

– Опру Уинфри?

– А ты знаешь еще какую-то?

Опра... Меня пригласили к Опре. Самая известная телепрограмма, пятнадцать или двадцать миллионов зрителей... Я почувствовал, что меня охватывает возбуждение.

– Но как это вышло? Она меня пригласила?

– Я тебе говорю...

– Невероятно... Не могу в это поверить...

– Уж поверь.

– Какая удача...

– Представь себе, это не удача, а работа. Я месяцами использовал все свое влияние, чтобы пробиться к ней и ее ассистентке. А еще наша пресс-атташе постаралась.

– Я представляю, представляю...

– То-то!

– И... когда же? Мне надо проверить ежедневник, нет ли у меня планов на этот день.

– У тебя нет никаких планов, поверь мне.

² Рон Макгиннис (Ron McGinnis) – современный американский фотограф, наиболее известен работами, посвященными ковбойской теме.

– Скажи мне дату, и я посмотрю прямо сейчас...

– Не утруждайся. Даже если у тебя намечена свадьба, ты все отменишь. Эта передача – событие, после которого твоя карьера взлетит вверх.

Естественно, он был прав. Конец годам каторжного труда на пути к долгожданному признанию. Ветер вот-вот переменится, подует в правильном направлении. Я с трудом в это верил.

– И все-таки назови мне дату, я хотя бы запишу.

– Воскресенье, тринадцать тридцать. Прямой эфир. И тебе повезло. В этот раз снимать будут в Нью-Йорке.

– Воскресенье... В *это* воскресенье?

– Да, в это воскресенье.

Меня буквально захлестнуло волной ужаса.

– Но я не готов...

– Да ладно, это всего лишь беседа о твоей книжке. Ее же написал ты, верно? Неужели ты не сможешь о ней поговорить?

– Да-да... Но Опра будет задавать мне вопросы... о моей жизни...

– Кто, как не ты, знает о ней лучше всех? Тебе не придется учить текст.

Я согласился.

Как я мог сказать ему, что меня ужасает сама мысль, что мне придется держать слово перед пятнадцатимиллионной аудиторией? Что я могу оцепенеть перед камерами, потерять дар речи, начать мямлить, путаться в словах...

Если я провалюсь, моя карьера будет уничтожена в прямом эфире. Больше никто и никогда не пригласит меня.

– Но... Но почему Опра вдруг пригласила малоизвестного писателя вроде меня?

– Я тебе уже сказал, пришлось потрудиться. Наша пресс-атташе – просто находка.

– И все же это странно...

– Мы убедили Опру, что ей не нужно приглашать звезду, потому что она сама звезда.

Меня вдруг охватило сомнение.

– Но почему она пригласила меня в последний момент? Ее передачи планируются на месяцы вперед...

Билл громко вздохнул:

– Тим, ты безнадежен! Вместо того чтобы принимать жизнь такой, как она есть, и радоваться, ты изводишь себя идиотскими вопросами.

– Прекрати называть меня Тимом. Ты знаешь, что я этого не выношу, стариновское имя!

– Вот именно, тебе очень подходит.

– Мило с твоей стороны.

– Когда тебе выписывали свидетельство о рождении, по всей видимости, допустили ошибку. Тебе не тридцать четыре, а все семьдесят, не меньше.

– И все же это странно, что меня пригласили в последний момент, согласись.

На этот раз он вышел из себя.

– Если ты уж так хочешь все знать, то да, вначале тебя даже не рассматривали, – взорвался он. – Опра должна была встречаться с Леонардо Ди Каприо, уж прости. Но он подхватил мерзкий вирус и вынужден проваляться две недели в постели, так что Опре нужен был другой гость, и срочно. Вот и все. И что теперь изменилось? Тебе-то какая разница? Важно, что ты попадешь на передачу, разве нет?

Конечно, он был прав, но я не люблю, когда меня держат за идиота.

– Сто процентов актеров, – продолжал он, – и сто процентов писателей убили бы родную мать с отцом, лишь бы их пригласили к Опре. И все же нам удалось убедить ее пригласить именно тебя, а не кого-нибудь другого в качестве замены Ди Каприо.

– Не стану с этим спорить, Билл.

Повисло тягостное молчание.

– Скажи мне правду. Ты дергаешься, потому что тебе страшно, я прав?

Этот тип нутром меня понимал. От него ничего не скрыть.

– Допустим...

– Я позвоню коучу, устроим медиатренинг. Наберу тебя.

Он повесил трубку, не дав мне ответить.

Шесть дней. У меня было шесть дней, чтобы успокоиться, собраться с мыслями, подготовиться. Билл найдет мне хорошего коуча. Шесть дней, чтобы научиться контролировать свой страх, найти внутренние силы поговорить о себе самом, чувствовать себя раскованно... У меня должно получиться. Я должен справиться с собой. Перестать думать о неудачном опыте на местном телеканале в Арканзасе два года назад. Позже, наблюдая, как я заикаюсь, BLEЮ, говорю каким-то утробным голосом, прикрывая при этом рот ладонью, словно от кого-то скрываюсь, я пересматривал ту запись, красный от стыда. Хвала небесам, Билл никогда ее не видел!

Запись чудом не попала в сеть. Я проверял, наверное, раз сто, в ужасе от одной мысли об этом. Но передача Опра там окажется несомненно. Достаточно будет набрать мое имя в «Гугле», чтобы она появилась на экране первой строкой. Провал станет преследовать меня всю мою жизнь, мне придется тащить его за собой, как ядро, свидетельствующее о моей ничтожности; я буду навсегда распят перед читателями, журналистами и издателями. Двадцать первый век не склонен к прощению.

Я встал и сделал несколько бесцельных шагов по комнате. Оставаться позитивным. Найти силы поверить в себя. Я должен с этим справиться. Все должно получиться. Все получится.

Я подошел к окну, выходящему на задний двор, и посмотрел сквозь прутья оконной решетки, скользя взглядом по пейзажу, но не видя его по-настоящему, погруженный в свои мысли.

Мне нужно будет сходить к парикмахеру. А кроме того, подобрать костюм. Такой, чтобы передавал образ, который я хочу транслировать...

Небо, потемневшее от тяжелых облачных масс, казалось, вот-вот разразится дождем. Возможно, надвигалась буря. Какая-то птица отчаянно призывала весну своим свистом. Улочка, тянувшаяся вдоль сада, была пуста: все на работе, лишь кое-кто из соседей оставался дома, в своем комфортабельном жилище, окруженном лужайкой и деревьями. Улица поворачивала как раз перед моими окнами, уводя куда-то вдаль. Я представил, как иду по ней без всякой цели и на каждом повороте выбираю новое направление, повинуюсь сиюминутному порыву, и так без конца, просто для того чтобы увидеть, куда меня заведет дорога...

Опра.

Это было невероятно, как ни крути. И так неожиданно.

Вдруг я увидел себя на ВИП-парковке в воскресенье, на моей старой, совершенно раздолбанной «тойоте». Какой стыд... Если бы я только мог купить небольшой симпатичный полноприводный «рейнджровер», о котором мечтал с недавних пор. Не слишком экологичный, но такой классный. Это хоть как-то укрепило бы мою уверенность... Ладно, постараюсь взять машину напрокат или припаркуюсь подальше и приду на своих двоих.

Аль-Капоне запрыгнул на стол возле меня.

Чувствовалось, что на улице вот-вот грянет буря, но грома еще не было. Первые молнии уже расчерчивали небо, но пока совершенно беззвучно.

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть.

Я никого не ждал. Возможно, какая-нибудь доставка.

Я открыл и с удивлением оказался лицом к лицу с двумя неизвестными.

Один из них был крупный и грузный, с большой головой и недружелюбным взглядом за очками в металлической оправе под косматыми бровями. Слегка взъерошенные седые волосы, темный мятый костюм. Второй, чернокожий, с брюшком, волосы с проседью, более интелли-

гентный на вид, был одет в куртку и джинсы. Обоим, очевидно, было за пятьдесят, выглядели они довольно уныло. От обоих сильно разило табаком.

Поздоровавшись, оба показали мне свои значки.

– Роберт Коллинз, – произнес хриплым голосом здоровяк с растрепанными волосами. – ФБР.

– Гленн Джексон, – назвалса в свою очередь чернокожий, изобразив подобие улыбки.

Они совершенно не соответствовали моему представлению об агентах ФБР. Тех, кого я описывал в своих романах.

Я машинально кивнул, не проронив при этом ни слова и судорожно спрашивая себя, что от меня нужно службе внутренней безопасности.

– Вы Тимоти Фишер? – спросил первый, нахмутив косматые брови.

– Да. Мм... это мой авторский псевдоним.

У меня вдруг возникло чувство, что я внезапно очутился в одном из собственных детективов, и мое богатое воображение мгновенно принялось рисовать мне повороты сюжета, как это случалось всегда, когда я сталкивался с необычной ситуацией. Убийство на Гавайях, мои отпечатки пальцев, случайно оставленные в неудачный момент в неподходящем месте; и вот я уже ошибочно обвинен и заключен под стражу, передача с Опррой летит ко всем чертям... Я влезаю в долги, чтобы нанять адвоката, тщетно пытаюсь доказать свою невиновность, обвинен в...

– Нам необходима ваша помощь...

– Моя помощь?

– Да, – ответил здоровяк, которому, казалось, странным образом было не по себе, несмотря на его властную внешность.

– Что значит «моя помощь»?

– Мы хотели бы представить вам наш проект, – сказал чернокожий; у него был серьезный и мягкий, почти нежный голос.

Я едва удержался от смеха:

– Но я всего лишь писатель, вы же знаете!

– Да, безусловно.

Даже без этого странного предложения в их поведении сквозило что-то фальшивое, как будто они сами не верили в то, о чем меня просили.

Я помедлил секунду.

– Простите, но... я хотел бы еще раз увидеть ваши значки. К сожалению, я не успел их рассмотреть.

Они обменялись быстрыми недовольными взглядами, но подчинились, не произнеся ни слова.

Значки показались мне настоящими, но откуда я мог знать, как они на самом деле должны выглядеть?

– Вы не могли бы рассказать поподробнее?

– Это довольно сложно... Вы должны поехать с нами. Вам нужно встретиться с теми, кто отвечает за... это дело, там вам объяснят лучше нас, о чем идет речь.

Я почувствовал себя... польщенным. Мог ли я представить подобную историю в одном из своих романов? Чтобы ФБР вдруг обнаружило какую-то пользу от воображения романиста?

– Собственно говоря, почему бы и нет? Это можно будет осуществить в любое время, начиная с ближайшего понедельника.

Роберт Коллинз, здоровяк с всклокоченными волосами, мотнул головой:

– Нет, это срочно, надо ехать немедленно.

– Мм... прямо сейчас?

Тот кивнул.

– Вы застали меня врасплох.

– Это дело первостепенной важности, – сказал Гленн Джексон.

В отличие от своего коллеги с бегающими глазами, он выглядел спокойным и уверенным.

– А... это далеко отсюда.

– Будем на месте примерно через час.

Я замер на мгновение, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Что мне было терять? Мой медиатренинг, без сомнений, начнется не раньше чем завтра... В конце концов, опыт есть опыт, возможно, мне даже удастся использовать его для следующего романа.

– О'кей.

Налив в миски Аль-Капоне свежей воды и заперев дом, я занял место на заднем сиденье «бьюика», провонявшего табачным дымом. Машина направилась к бульвару Квинс, пересекла его, затем поднялась по Сто восьмой улице, повернула на Джуэл-авеню, добралась по ней до озер, потом по объездной дороге выехала на Гранд-Сентрал-парквей, влилась в поток машин и устремилась на север.

Агенты не проронили ни слова. Роберт Коллинз безмолвно сидел за рулем. Мы проследовали мимо теннисных кортов Флашинг-Медоуз³, затем вдоль пролива Ист-Ривер. Через несколько минут автомобиль въехал за ограждение аэропорта Ла Гуардия и остановился перед пропускным пунктом в стороне от общественных терминалов. Коллинз мельком показал свой значок постовому полицейскому, который явно сразу узнал его, и машина двинулась прямо к бетонированной площадке перед ангарами.

– Постойте, куда это мы едем?

– Не волнуйтесь, – ответил Гленн Джексон, обернувшись ко мне с доброжелательной улыбкой. – Мы будем там меньше чем через час, обещаю.

Мы проследовали мимо огромного открытого ангара, где стояло несколько небольших частных самолетов. Машина остановилась чуть дальше, в нескольких метрах от вертолета.

– Мы полетим на нем?

– Полет будет недолгим, не волнуйтесь, – успокоил меня Джексон.

– О нет... У меня бывают головокружения, я не переносу...

Мне никогда не удавалось контролировать свой безотчетный страх перед высотой, он всегда захлестывал меня с головой. Это была настоящая фобия. Однажды во время похода в Скалистые горы с друзьями меня просто парализовало на тропинке, идущей вдоль края пропасти. Мной овладело дикое желание лечь навзничь на землю и замереть, и при этом странное чувство подталкивало меня прямо в бездну. Просто помешательство какое-то.

– Когда нет контакта с землей, голова не кружится, – бросил Роберт Коллинз холодным презрительным голосом, даже не попытавшись поймать мой взгляд в зеркале заднего вида.

Я с трудом удержался, чтобы не добавить, что, помимо головокружения, перспектива полета на вертолете в пронизанном молниями небе кажется мне как минимум неосторожной.

Гленн Джексон обернулся ко мне с дружеской улыбкой:

– Доверьтесь нам.

Я глубоко вздохнул, стараясь расслабиться, и улыбнулся в ответ.

Станным образом в том, чтобы впервые полететь на вертолете, было что-то возбуждающее... Видимо, я полон парадоксов.

Мы вышли из машины.

Небо выглядело так, словно его выкрасили черной краской в разгар дня. В сухом, пропитанном электричеством воздухе ясно чувствовался запах керосина. Аромат приключений.

³ *Флашинг-Медоуз* (англ. Flashing Meadows) – общественный парк в районе Квинс в Нью-Йорке. Озера, упомянутые выше, находятся на территории парка и называются Луговое и Ивовое (Meadow Lake и Willow Lake).

Вертолетный винт начал вращение с резким свистом. Шагая к нему в компании двух агентов ФБР, я вдруг испытал необычное ощущение собственной важности.

3

– Так куда же мы все-таки летим?

Вертолет с изрядной скоростью устремился в юго-западном направлении, оставляя океан слева. Панорамный обзор из остекленной кабины, куда ни глянь, завораживал, и на мое обычное головокружение и впрямь не было ни намека.

– В Форт-Мид, недалеко от Вашингтона, – сказал Джексон.

– В АНБ?

Форт-Мид – это бывший армейский лагерь, известный тем, что там находится штаб-квартира Агентства национальной безопасности. Он прославился после того, как бывший агент ЦРУ по имени Эдвард Сноуден, ставший осведомителем, поведал всему миру, что агентство шпионило почти за всеми, включая предприятия и частных лиц в странах – союзниках Соединенных Штатов.

– Не совсем, но поблизости, на той же базе.

Вертолет в самом деле обогнул на порядочном расстоянии узнаваемое здание АНБ, огромный блокгауз из черного стекла, мелькавший на всех экранах мира во время знаменитого расследования, и приземлился наконец на участке, больше похожем на засаженный деревьями парк, чем на военную базу. Пилот выключил двигатель, и на борту воцарилась тишина. Коллинз, так ни разу и не посмотревший в мою сторону за время полета, открыл дверь, и мы вышли.

Чуть дальше, на опушке леса, на внушительных размеров деревянном щите, покрытом лаком, было написано белыми буквами:

Армия Соединенных Штатов
Форт-Мид
Запретная зона

Что могло привести агентов ФБР на военную базу?

Я проследовал за ними к небольшому строению посреди деревьев, которое скорее напоминало деревянную армейскую казарму, выкрашенную белой краской, нежели правительственное здание.

У меня вдруг возникло странное чувство, похожее на дежавю. Эта деревянная постройка... Чуть выгоревшая белая краска... Посреди леса...

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, откуда всплыл этот образ: в одном из моих детективов, в седьмом моем романе, герой был биологом, укрывавшимся в лесном домике, чтобы как следует изучить бесчисленные детали расследования, которое он пытался вести.

У меня всегда была сильная визуальная связь с написанным. Истории приходили мне в голову в виде очень реалистичных сцен, кадры буквально вставали перед глазами. Здание, перед которым мы находились, до странности походило на то, что я изобразил в этом романе.

– Мы на месте, – сказал Гленн Джексон.

Над нами нависло низкое небо, подбитое большими белыми облаками, но воздух был нежен и пах лесом, природой. Окружающую тишину нарушал разве что свист вертолетных лопастей, которые продолжали вхолостую вращаться вокруг своей оси.

Дверь домика открылась при нашем приближении, и на пороге появилась молодая женщина. Лет тридцати невысокая брюнетка с матовой кожей и голубыми глазами; очевидно, итальянского происхождения. Сначала мне показалось, что она чем-то озабочена или, скорее, опечалена, но ее глаза заблестели, когда она улыбнулась, встречая нас.

– Я Анна Сондерс, – представилась она, – руководитель проекта. Добро пожаловать в Форт-Мид.

«Проекта»? Но что за «проект»?

– Рад знакомству.

Мы вошли и расселись за круглым столом, окрашенным белой краской, как и стены. Под ногами заскрипел деревянный пол естественного цвета. О том, что мы не в охотничьей хижине, напоминали лишь несколько шкафов из усиленной серой стали. Внутри пахло кофе. Мне предложили чашку, но я отказался.

Дневной свет проникал в комнату сквозь венецианскую штору. Ее небрежно раздвинули, и ламели висели, словно сломанный веер.

Гленн Джексон первым взял слово, заговорив своим серьезным глубоким голосом. Его коллега скрестил руки на груди.

– Предлагаю кратко прояснить ситуацию. Мистер Фишер, вы, конечно, слышали о пожаре, который разрушил один из небоскребов Чикаго?

– Я только что вернулся из путешествия, но да, читал новости в самолете.

Джексон кивнул:

– Может быть, вам также известно, что еще один пожар произошел вчера в одном из зданий в Балтиморе?

– Да, в статье упоминалось об этом.

– В обоих случаях речь идет о поджогах, явно связанных между собой. И совершил их один и тот же человек.

Пока мы беседовали, коллега Джексона хранил молчание, не сводя взгляда, жесткого и тупого, с какой-то точки на столе. Анна Сондерс смотрела на нас с напряженным видом.

– Это дело, – продолжал Джексон, – на контроле ФБР, мы с Робертом у руля. Есть все причины полагать, что эти поджоги – всего лишь начало целой серии, так что у нас серьезная проблема: расследования подобных дел требуют времени, много времени, поскольку здания в момент обрушения погребают под тоннами обломков все следы преступления и *modus operandi*⁴ преступника.

– Сколько жертв?

– Мы узнаем об этом, только когда разберем завалы, – сказал Коллинз. – Риск того, что там могут оказаться люди, сильно замедляет работу. Мы не можем отправить туда бульдозеры...

– Очевидно, – добавил Джексон, – злой умысел поджигателя был направлен прежде всего на башни, а не на людей. Он взломал аудиосистему зданий и распространил приказ об эвакуации прежде, чем поджечь небоскребы... И потом еще эта музыка.

– Музыка? Преступник включил музыку перед пожаром?

– Да.

– Это странно, правда?

Коллинз пожал плечами.

– А... что за музыка? – спросил я.

Агенты ФБР обменялись взглядами.

– Ее пока не идентифицировали, но свидетели говорят, что это была какая-то тревожная старомодная мелодия.

– Воистину кругом одни ненормальные, – сказал я.

– Если бы не они, мы бы остались без работы, – произнес Коллинз отстраненным тоном.

Гленн Джексон улыбнулся. Анна Сондерс смерила его сумрачным взглядом. Я чувствовал, что она настороже.

⁴ Образ действия (*лат.*).

– Кто-то выдвинул требования?

– Пока нет, но это обязательно случится, – ответил Коллинз. – Мерзавец, который это сделал, не спешит, само собой, для того чтобы усилить давление и шумиху.

– Кстати, – вмешался Джексон, – по поводу давления. Нам позвонил Барри Кантор. Знаете, кто это?

– Конечно.

Как я мог не знать? Советник президента, любимец СМИ. Тридцать пять лет, хорош собой, телегеничен до невозможности, красноречив и весьма харизматичен. Постоянно торчал в телевизоре, разъясняя политику Белого дома. Можно сколько угодно не соглашаться с линией, которую он проводил, одно несомненно: это была блестящая фигура на политической арене и все его уважали.

– Барри Кантор поделился с нами пожеланием президента: он хочет, чтобы параллельно расследованию...

– погоди минуту, – перебил его Коллинз и повернулся ко мне, угрожающе сдвинув брови. – Мистер Фишер, – сказал он своим хриплым голосом, – мы намерены доверить вам конфиденциальную информацию. В обычное время ваша личность подверглась бы тщательному изучению в соответствии с протоколом, прежде чем мы посвятили бы вас в детали проекта. Но в связи с неотложностью дела и по требованию президента нам пришлось пренебречь процедурой. Однако предварительно мы вынуждены обязать вас сохранить в тайне все, что будет сказано или сделано в этой комнате. Ничего из того, что вы здесь услышите, не должно быть передано гласности, независимо от того, согласитесь вы участвовать в проекте или нет.

В его поведении я почувствовал некоторую агрессию, хотя еще ни о чем не просил и не спрашивал.

Все взгляды обратились на меня: суровый – Коллинза, ободряющий – Джексона и неоднозначный – Анны Сондерс, в котором, как мне показалось, сквозила тревога, но также, возможно, и надежда.

Что я терял, в конце концов? В любом случае мое любопытство было возбуждено до такой степени, что пути назад для меня просто не существовало.

– Я согласен.

Роберт Коллинз еще некоторое время не сводил с меня глаз, и у меня возникло неприятное чувство, что ему очень хотелось бы проверить мои слова. Затем он откинулся на спинку стула.

– Президент, – взял слово Джексон, – пристально следит за этим делом. Учитывая события, пережитые нашей страной в недавнем прошлом, история с рухнувшими небоскребами, очевидно, оказывает огромное эмоциональное воздействие на людей. Так что президент хочет, чтобы с этим делом было покончено в самые короткие сроки. Но, как уже было сказано, обычный подход здесь не годится, потому что сначала нужно расчистить завалы. Поэтому президент решил поручить Анне Сондерс миссию по установлению следующей цели преступника, для того чтобы помешать новым разрушениям. Она должна определить ее... своими методами, и для этого ей понадобятся вы. Она сама объяснит вам, как именно.

Джексон замолчал, и наши взгляды обратились к молодой женщине.

Она замерла на несколько секунд, словно собираясь с мыслями. Тишина в комнате едва нарушалась легким шуршанием венецианской шторы, трепетавшей на сквозняке, и чириканьем птиц за окном.

Женщина выдержала паузу, затем медленно подняла голову и посмотрела на меня своими пронзительно-голубыми глазами; в ее взгляде, не лишенном некоторой незащищенности, в то же время чувствовался вызов. Анна воспользовалась тишиной как союзником: когда она начала говорить, все мое внимание было приковано к ее губам.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне выявить цель с помощью вашей интуиции.

Мне показалось, что я ослышался.

После того как я проделал всю эту дорогу в Форт-Мид в сопровождении агентов ФБР, я ожидал чего угодно, только не подобных нелепостей.

Я откашлялся:

– Моей интуиции?

Она продолжала смотреть на меня, не утруждая себя ни подтверждением сказанного, ни вообще каким бы то ни было ответом. Чего она добивалась? Хотела увидеть мою реакцию?

Я взглянул на Джексона, потом на Коллинза; те не сводили с меня глаз. Если бы мы не были на военной базе и если бы я был более знаменит, я решил бы, что это грандиозный телевизионный розыгрыш со скрытой камерой.

– Я не понимаю, чего вы от меня ждете... серьезно.

Она снова выдержала долгую паузу.

– Я посмотрела множество ваших телеинтервью, и ваши слова ясно дают понять, что вы человек, обладающий интуицией. Впрочем, вы сами об этом иногда говорите.

– Погодите... Да, мне случалось упомянуть, что у меня бывают верные предчувствия, но так все говорят, разве нет? Это просто фигура речи, художественный способ описать случайность.

Она продолжала молча изучать меня.

Я глубоко вздохнул:

– Я хочу сказать, что время от времени любому человеку может прийти в голову мысль, некое озарение, насчет того или иного события, и, если эта мысль подтверждается, люди говорят «я это предчувствовал». Но на самом деле всем понятно, что это чистое совпадение. Я, конечно, писатель, фантазер, но все же я твердо стою на ногах и как минимум рационален. В общем, все знают, что никаких предчувствий... не бывает.

Все трое по-прежнему смотрели на меня. Мне показалось, что во взгляде Коллинза мелькнуло нечто вроде уважения; Гленн Джексон едва заметно улыбался; Анна Сондерс сохраняла свой неизменно загадочный вид.

– Я не стану сейчас углубляться в детали, – сказала она, – замечу лишь, что предчувствие не только существует на самом деле, но мы еще и разработали методику, которая позволяет получить к нему доступ в любое время.

– Получить доступ к предчувствию?

Я снова спросил себя, не стал ли я жертвой розыгрыша.

– Вы все верно услышали.

Она выглядела более чем серьезно. Если все это была комедия, Анна Сондерс, несомненно, претендовала бы на «Оскар» за роль в ней.

– Но... объясните же, кто вы и где я?

– Мы представляем подразделение специальных исследований в этой области.

– И мы... на военной базе?

– Верно.

– Вы военнослужащая?

– Все детали – после того, как вы дадите согласие на сотрудничество с нами по этому делу.

– А у меня, наоборот, есть желание услышать больше подробностей от вас прямо сейчас, если вы хотите, чтобы я согласился...

Она снова уставилась на меня, затем обменялась взглядами с остальными:

– Вы должны понять, что эта лаборатория, как и само наше существование и существование нашего проекта, засекречены из соображений государственной безопасности, так что на данном этапе я не могу раскрыть вам всех карт. Спросите у меня, что вы хотите узнать, и я подумаю, можно ли поделиться с вами этой информацией.

«Из соображений государственной безопасности»? Как этот проект, связанный с предчувствиями, может иметь отношение к государственной безопасности?

– Хорошо... скажите мне в таком случае, что вы, именно вы, подразумеваете под «интуицией», чтобы я был совершенно уверен, что мы говорим об одном и том же.

Теперь игра пошла на ее площадке, и она ответила не раздумывая:

– Интуиция – это способность разума, позволяющая получать информацию, недоступную пяти человеческим чувствам: нечто такое, чего нельзя видеть, слышать, осязать, обонять и ощущать на вкус.

– «Недоступную пяти человеческим чувствам»?

– Именно так. Речь может идти о месте, объекте, человеке или даже событии. Это то, о чем ничего не известно, о чем нет никакой даже самой незначительной информации. Предчувствие позволяет нашему разуму собрать информацию такого рода.

Она замолчала, и вновь наступила пауза.

Я повторил про себя ее безумные слова, почти сомневаясь в том, что я сейчас слышал все это собственными ушами.

– «Собрать информацию»? Но каким образом? Щелкнув пальцами?

– Ну, некоторым образом...

– Но... это попросту невозможно.

Она явно не удивилась моему недоверию.

– У вас есть полное право так считать.

Ну да, за идиота меня держит.

Мне всегда казалось, что я человек достаточно открытый, с широкими взглядами, но я никогда не был наивным дурачком. Я не из тех, кто готов заглотить любую чушь.

– Что еще вы хотите узнать? – спросила она.

Я пожал плечами:

– Вы называете себя специалистами по предчувствиям... и вдруг просите о помощи неизвестно кого. Это выглядит не слишком логично.

На сей раз она явно смутилась. Ее взгляд на некоторое время расфокусировался, она едва заметно закусила губу, и мне показалось, что глаза женщины потемнели при воспоминаниях о какой-то пережитой ранее травме. Когда она снова посмотрела на меня, я прочитал в ее глазах едва сдерживаемый гнев.

– Наша команда провидцев погибла в аварии. У меня больше никого нет.

Я совершенно онемел.

Женщина резко добавила:

– Они все мертвы, ясно?

Эти слова она произнесла очень жестко, и я заподозрил, что она намеренно хотела меня шокировать.

– В нынешней ситуации, чтобы выполнить просьбу Белого дома, – продолжала она, – мне понадобился кто-то вроде вас. Этот выбор был не случайным. Я уже говорила, что изучала ваши интервью и знаю, что вы подходите.

Я сглотнул слюну.

«Команда погибла... Все мертвы». О боже, куда меня занесло? Я постарался выглядеть расслабленно.

– Вы говорите, что у вас больше никого нет... а как же вы сами?

Ярость, которую я только что видел в ее глазах, вспыхнула вновь. Ее губы чуть заметно подергивались.

– Я больше не в состоянии пользоваться своими способностями, – бросила она таким тоном, что у меня разом пропало желание спрашивать почему. На это, по всей вероятности, она и рассчитывала.

Гленн Джексон, очевидно, почувствовал растущее в воздухе напряжение; он прочистил горло и заерзал.

– Анна Сондерс предлагает вам овладеть этой секретной методикой на продвинутом уровне, – сказал он, улыбаясь, чтобы меня успокоить. – Позволю себе уточнить, что на ее разработку потребовались годы и годы исследований.

Я ничего не ответил.

– Думаю, вы не осознаете... На самом деле многие мечтали бы оказаться на вашем месте... Некоторые, особенно за границей, пошли бы даже на смерть, чтобы получить доступ к этой методике.

Поскольку я по-прежнему молчал, он добавил:

– Думаю, вы еще будете гордиться тем, что внесли свой вклад в поимку преступника. Уничтожив офисные башни и, возможно, человеческие жизни, посягнув на нашу экономическую систему, он подрывает устои нашего общества.

Я чувствовал, как на меня давят их ожидание и надежда.

– Мы могли бы обратиться к кому-нибудь другому, – продолжал он, – но обучение пройдет гораздо быстрее у того, кто обладает некоторыми способностями. А в этом деле на счету каждый час...

Я вежливо кивнул.

Все взгляды по-прежнему были прикованы ко мне.

На стеклах очков у Роберта Коллинза виднелись следы пальцев, ясно различимые в свете солнечного света, проникшего в комнату сквозь ламели небрежно задернутой шторы.

– Я так понимаю, ответ вам нужен сейчас?

– Да, – сказал Коллинз. – Барри Кантор перезвонит с минуты на минуту.

Мяч был на моей половине поля. Их объяснения в конечном счете заслуживали доверия. Тем не менее у меня была проблема. Серьезная. Я не верил в предчувствия. Я не верил в них потому, что считал попросту невозможным получать информацию относительно неизвестного места или объекта таким способом. В противном случае об этом бы уже все давно знали. Кроме того, меня беспокоила явная связь с армией. Я ни на секунду не мог представить себе, что военные способны одобрить эти дурацкие паранормальные опыты. Но как в таком случае объяснить, что наш разговор сейчас происходил в Форт-Миде? Что-то не сходилось.

– Мистер Фишер, – произнес Джексон. – Вы готовы пойти к нам на службу?

«Пойти на службу». Если бы они знали, что одной этой фразы достаточно, чтобы заставить меня отступить... Конечно, мне льстил, и даже очень, тот факт, что о сотрудничестве меня спрашивало ФБР, но мне-то от этого какая выгода? Что это может мне дать?

Безусловно, меня разбирало любопытство, я сгорал от желания узнать больше. Но также я держал в голове предстоящую телепередачу. Это был шанс, выпадающий раз в жизни. Я годами ждал чуда, которое сдвинет мою карьеру с мертвой точки и выведет меня на свет божий. И этот день наконец пришел. Пусть сам факт участия в передаче меня ужасал, я должен был это сделать во что бы то ни стало. Но мне нужно подготовиться к передаче наилучшим образом, иначе меня ждет провал... Так за каким чертом я стану приносить в жертву свою карьеру ради сотрудничества с ФБР, овладевая методом, в который я даже не верил?

– Сожалею, но я вынужден отказаться.

4

Через полтора часа я вернулся домой. На обратном пути, сначала в вертолете, затем в машине, меня сопровождал только Гленн Джексон.

Я попрощался с ним и открыл дверцу машины. Он протянул мне визитку.

– Если передумаете, – сказал он, соблюдая формальность, поскольку отлично понимал, что я не изменю своего решения.

Из вежливости я взял карточку.

Автомобиль двинулся прочь по улице, и, когда я увидел, как удаляются красные огоньки задних фар, я вдруг осознал, что уже стемнело.

По противоположной стороне тротуара шел незнакомец, изысканно одетый, с сумкой «Луи Виттон» в руке. Он напомнил мне приятелей Кристен, и у меня защемило сердце. Ее всегда окружали невероятно шикарные мужчины, которые все как один великолепно выглядели и очень дорого одевались. Совершенно не мой стиль. В любом случае соперничать с ними мне было не по средствам. У меня даже развилось нечто вроде комплекса неполноценности. Я был очень влюблен в Кристен, но не чувствовал себя частью ее мира, недотягивал до нее. Наши отношения не могли продлиться долго, я всегда это знал.

Внезапно начался проливной дождь и забарабанил по асфальту. Я бросил взгляд на прохожего, ускорившего шаг в своем прекрасном костюме. У него не было зонтика, и на какой-то миг я ощутил злорадное удовлетворение, но почти в ту же секунду пожал плечами, подивившись своей прискорбной никчемности.

Я поспешил зайти в дом. В зеркале у входа отразилось мое осунувшееся лицо.

Усевшись на диван, я взял на руки Аль-Капоне, чтобы не чувствовать себя таким одиноким.

В этот вечер, как часто бывало, я заснул довольно рано.

Меня разбудил свет восходящего солнца, который пробивался через шторы и падал на стену из красного кирпича, которая была расчерчена тенью от оконных решеток. И мне вдруг показалось, что я лежу в огромной клетке.

На меня тут же навалился страх. Всего пять дней...

На телефоне высветилось сообщение от Билла Кримсона, моего литературного агента, с информацией о встрече в конце дня по поводу медиатренинга. Время до этой встречи я решил посвятить поискам гардероба для съемок. Что-то шикарное, но в то же время неброское, достаточно оригинальное, чтобы выглядеть «из ряда вон», но при этом в хорошем вкусе, чтобы не вызывать раздражения. И непременно темное: те, кто пишет романы в жанре нуар, не носят светлого.

Я позавтракал в компании развалившегося на столе Аль-Капоне, каждую секунду угрожавшего перевернуть чашку с дымящимся кофе. Коты любят действовать на нервы тем, кто о них заботится.

Вчерашние события не выходили у меня из головы. Я не переставал спрашивать себя, правильно ли я поступил. Способность принимать решения никогда не являлась моей сильной стороной. Впрочем, мне всегда было свойственно долго сомневаться, взвешивать все за и против, стараясь учесть как можно больше параметров. Но вчера ФБР потребовало немедленного ответа, так что отказ представлялся мне единственно возможным, чтобы не дать им себя завербовать вот так запросто. Кстати, каждый раз, когда в моей жизни возникала ситуация, требующая быстрого решения, я предпочитал ничего не менять. Я всегда остерегался легких возможностей, которые могли бы обернуться тяжелыми последствиями. Наверно, именно поэтому моя жизнь в конце концов стала слишком упорядоченной, если не сказать довольно унылой.

Многие люди воображали, будто я наслаждаюсь необычной свободой, просто потому что я писатель и волен по собственному разумению располагать своим временем, отправляться в путешествия, ведь я сам себе хозяин. Так оно и было: да, я писал где хотел и когда хотел, ни перед кем не отчитываясь. Но истинная свобода не имеет к этому никакого отношения: истинная свобода суть та, которую мы допускаем для себя сами; она существует независимо ни от чего, это лишь способ воспринимать свое существование, прожить свою жизнь. Ты или свободен, или нет. Если ты свободен, то останешься таковым в любой ситуации. Чтобы это понять, достаточно всего лишь понаблюдать за людьми. Встречаются сдвинутые на правила индивиды, которые не допускают никакого отклонения от нормы; перфекционисты, подвергающие себя страшному давлению каждый день и час, это совершенно одинокие люди, предъявляющие к своей жизни такие требования, каких им никогда бы не выставил самый властный тиран. И наоборот, я знал людей, которые путали свободу со вседозволенностью и попадали в рабство к собственной лени, превращаясь в зомби на диване перед телевизором, неспособные воплотить в жизнь ни одной своей идеи, теряя зачастую всякое стремление реализовать в жизни хоть что-нибудь. Иные пускались в погоню за удовольствиями, скользя по самой кромке преисподней, на грани зависимости от сахара, алкоголя или секса. Были ли они действительно свободны? Мне приходилось знать и тех, кто становился рабом чужого мнения о своей персоне. Такие люди запрещали себе выходить из дому, не побрившись или не вымыв голову с шампунем, раздеваться на пляже из-за лишнего веса или плакать в кинотеатре из страха прослыть «девчонкой»... Что до меня, мне удалось совершить парадоксальный подвиг и аккумулялировать понемногу все эти странности. Нет, нам, простым смертным, нелегко быть по-настоящему свободными, отбросить прочь наши страхи и предрассудки, чтобы иметь возможность каждую минуту совершать жизненный выбор с точки зрения того, кто мы есть на самом деле и что действительно важно для нас в самой глубине души.

Я был полностью поглощен этими мыслями, когда пронзительный звонок домашнего телефона заставил меня подскочить на месте.

Я машинально встал, и вдруг в моей голове со скоростью молнии мелькнула неожиданная мысль: «Моя двоюродная сестра Дебора».

Я шел к аппарату и спрашивал себя, какого черта телефон заставил меня о ней вспомнить: Дебора уехала жить в Индию год назад и с тех пор практически не давала о себе вестей. Не существовало решительно ни одной причины, чтобы она позвонила именно сегодня.

– Алло?

– Привет, Тимоти!

Услышав слегка гнусавый голос кузины, я застыл у телефона с открытым ртом, обескураженный мыслью о том, что заранее знал, кто мне звонит. Эта мысль посетила меня совершенно ясно, почти как очевидность...

– Тимоти, это Дебора, ты меня слышишь?

– Да-да...

Она с энтузиазмом принялась рассказывать мне о своей новой жизни в Индии.

Еще когда Дебора только собиралась уезжать, она предложила мне составить ей на полгода компанию, пока к ней не присоединится ее муж.

– Поехали, это будет отличный опыт! – уговаривала она меня.

Я мог бы себе это позволить, но меня удержала перспектива оказаться в очаге эпидемий тифа, лихорадки денге и прочей жути вроде вируса чикунгунья.

– Представь, что мысль о тебе пришла мне в голову именно в тот момент, когда ты позвонила...

– Ничего удивительного, дорогой братец, мы же связаны...

Я не знал, что и думать, и когда разговор закончился, я все еще был взволнован случившимся. Образ Деборы возник в моем сознании ровно в тот момент, когда раздался телефонный

звонок. Я не ожидал, что она позвонит, и у меня не было никакой возможности угадать, что это именно она... Но в конечном счете, каким бы удивительным ни было данное совпадение, какой из всего этого можно сделать вывод?

Когда я вывел машину из гаража, собираясь повернуть от дома налево, Линн, моя симпатичная рыженькая соседка, будто случайно вышла из своей квартиры. Она помахала рукой и сделала к моему автомобилю несколько шагов, как обычно, босиком. Я опустил переднее стекло со стороны пассажирского сиденья.

– Ну что, восстановился уже после Гавайев? – спросила она с лукавой улыбкой.

– Да, все хорошо.

Она преспокойно оперлась обоими локтями на ребро стекла и наклонилась, чтобы продолжить разговор, продемонстрировав свое декольте. Глупо, конечно, но я не смог удержаться, чтобы не бросить беглый взгляд на ее грудь, на что она, разумеется, и рассчитывала.

– У тебя очень усталый вид, и это еще слабо сказано. Заходи вечером, выпьем чего-нибудь бодрящего. У меня на сегодня нет никаких планов, это было бы мило.

– Занят, к сожалению, – солгал я.

Шопинг оказался делом непростым. Я обошел все бутики местного молла, но так и не смог найти ничего подходящего для великого дня. У меня не было никаких определенных мыслей насчет того, что именно мне нужно, так что все свелось к прочесыванию магазинов наудачу. Это могло занять немало времени.

– Поставьте подпись в защиту планеты!

Девушка, которая окликнула меня с широкой улыбкой, была частью группы протестующих, одетых в желтые, бросавшиеся в глаза посреди торгового центра футболки.

– Это петиция против методов текстильной промышленности, – заявила девушка. – Она на втором месте по степени загрязнения планеты после нефтяной индустрии. При производстве тканей вырабатывается больше углекислого газа, чем от всего воздушного и морского транспорта, вместе взятого.

На большом плакате протестующих было наглядно показано, как во всем мире люди покупают все больше и больше одежды, а промышленность, в свою очередь, производит все менее качественные, быстро изнашивающиеся ткани, при этом некоторые бренды, чтобы побудить покупателей чаще менять наряды, выпускают до двадцати четырех коллекций в год. Средний американец, согласно статистике, покупает шестнадцать килограммов одежды ежегодно – своеобразный рекорд.

– Для производства одной пары джинсов из хлопковой ткани требуется семь с половиной тысяч литров воды, – сказала мне девушка. – Это столько же, сколько человек выпивает за семь лет.

– Остается надеяться на синтетические ткани, – ответил я.

Она покачала головой:

– При каждой стирке синтетика выделяет микрочастицы пластика, которые смываются водой. Ежегодно пятьсот тысяч тонн микрочастиц пластика попадает в океан. Это эквивалент пятидесяти миллиардов пластиковых бутылок.

Кипя от возмущения, я подписал петицию.

Последние бутики, куда я зашел, к сожалению, не смогли предложить мне идеального костюма, и я покинул торговый центр ни с чем.

Едва я отъехал, как почувствовал, что машину повело в сторону с каким-то странным шумом. О нет, прошу, только не сейчас! У меня не было ни времени, ни средств, чтобы устранять поломку. Я включил сигнальные огни, припарковался ниже по улице, намереваясь посмотреть под капотом, в чем дело.

Но этого не потребовалось: переднее левое колесо оказалось спущено. Больше десяти лет за рулем без единого прокола, когда-нибудь это должно было случиться.

Конечно, у меня был где-то домкрат и запасное колесо... И я их нашел-таки в специальном углублении под ковриком в багажнике. По части сделать что-нибудь своими руками все мои навыки ограничивались тем, что я мог повесить на стену картину, при условии что она не слишком тяжелая, а стена при этом не особенно твердая. А тут мне предстояло решить задачу по механике...

Никакой инструкции по эксплуатации к домкрату не прилагалось. *Хорошо, не будем суетиться и сконцентрируемся, это не должно быть слишком сложно.*

Я опустил на колени возле колеса, переживая, что нахожусь со стороны дороги, и наклонился к асфальту в поисках надежной опоры, чтобы поставить домкрат. Как нарочно, начался дождь. Какого черта...

Кое-как установив домкрат, я принялся качать. О чудо! Машина поднялась. Когда колесо оказалось достаточно высоко, чтобы его можно было свободно вращать, я взял ключ и принялся откручивать болты.

Какой-то юный негодяй проехал мимо по луже, окатив меня ледяной водой.

Я вцепился в ключ, изо всех сил пытаюсь открутить первый болт, однако он не поддавался. Я согнулся от напряжения, но тут ключ выскользнул из моей руки, и я растянулся на асфальте, больно ударившись при падении ребрами. В ту же секунду я вскочил на ноги, опасаясь, как бы меня не раздавили.

Я совершенно вымок, по лицу текли струи дождя. Я снова взялся за болт.

Ничего не выходило, он оставался неподвижен. Вот дьявол, ну не вызывать же мне аварийную службу из-за простого колеса...

– А ну-ка в сторону!

Я вздрогнул от неожиданности и обернулся.

– Дайте-ка я попробую, – сказал мужчина, наклонившись над моим колесом.

Я слышал о типах, которые кидаются вам на помощь, когда где-нибудь в городе случается авария, а потом требуют чудовищные суммы денег за оказанные услуги, запугивая и угрожая.

– Спасибо, я справлюсь без вашей помощи, – ответил я сухо.

Но мужчина не обратил внимания на мои слова и завладел гаечным ключом прежде, чем я успел отреагировать.

– Дайте сюда! – крикнул я.

Однако он продолжал орудовать ключом.

Я внутренне сжался.

Мужчина был совершенно седым, лет семидесяти пяти, не меньше, но это ничего не значило: мошенники не выходят на пенсию.

Незнакомец явно имел опыт в подобных делах. Он заменил колесо буквально в несколько минут и вернул мне гаечный ключ, успев насквозь промокнуть и перепачкать руки.

Я не без осторожности достал бумажник, чтобы отблагодарить своего спасителя, но с удивлением обнаружил, что тот уже развернулся и пошел прочь.

– Постойте...

– Все в порядке...

– Но я бы хотел отблагодарить вас...

– Абсолютно не за что, – ответил он, подходя к своей машине, которая стояла с включенной аварийкой сразу за моей.

– Вы промокли, простите...

– Небось не сахарный, – бросил мужчина, послав мне широкую улыбку и живой, искренний взгляд.

Его машина тронулась, а я застыл на месте под потоками воды, в изумлении глядя, как удаляются в ночи задние габаритные огни автомобиля моего спасителя.

Я проклинал себя за свою первую реакцию и был озадачен любезностью и мгновенной готовностью мужчины помочь незнакомцу, невзирая на дождь и грязь. Смог бы я поступить так же? Ну... не уверен... в его годы точно нет.

Я сел в машину и бросил домкрат и ключ на пол, у пассажирского сиденья.

Через несколько минут я уже сидел у обитой медью стойки кофейни с большой кружкой горячего кофе в руках, чтобы немного обсохнуть перед тем, как возобновить шопинг. В воздухе витал аромат пончиков. Декор кофейни вполне удачно воспроизводил интерьер лесной хижины с плохо прилаженными досками от пола до потолка и клеенчатыми скатертями в шотландскую клетку. Настоящий китч! Из колонок негромко доносилась бессмертная «The show must go on»⁵.

Меня охватило чувство одиночества, и я постарался взять себя в руки, чтобы не впасть в тоску. Я стал наблюдать за сотрудниками кофейни. Я смотрел, как они работают, сосредоточенные на своих сиюминутных задачах. Они хотя бы были вместе, в одной команде, им есть что разделить...

Вдруг я подумал о Линн, своей соседке. Не напрасно ли я отвергаю ее попытки сблизиться? Безусловно, она симпатичная девушка, так почему я разрушаю возможные будущие отношения во имя прошлых? Кристен исчезла из моей жизни, я сам так захотел, эта страница перевернута. Невозможно оставаться с тем, с кем не чувствуешь себя любимым. Я страдал от этого каждый день в течение трех месяцев, пока длились наши отношения... а потом те последние ужины... Я пригласил ее к себе домой и полдня выбивался из сил, чтобы приготовить самые изощренные блюда, призвав на подмогу все свои кулинарные навыки. К назначенному часу все было готово, я ждал, сгорая от нетерпения, с шампанским, закусками, свечами и так далее. Я ждал долго, сначала с верой, затем с некоторым волнением и, наконец, с растущей тревогой, до тех пор, пока не получил вульгарное сообщение:

Сегодня вечером я не смогу. Прости. Целую.

Я проявил слабость и простил ее, изобразив равнодушие.

Ничего страшного, в другой раз.

И в самом деле, я повторил все это через неделю, на сей раз пригласив ее в ресторан, поскольку не отважился на еще один кулинарный подвиг.

Но там мне снова пришлось ждать.

– Не желаете ли чего-нибудь выпить? – дважды спросил у меня официант.

В конце концов мне пришлось согласиться. Я сидел за столиком в одиночестве, потягивая «Спритц»⁶, пока вибрация мобильного телефона в очередной раз не заставила меня задрожать от дурного предчувствия, а затем и от отчаяния, когда я стал читать сообщение, очень похожее на предыдущее.

У меня не хватило смелости оставить ресторатора ни с чем, так что я поужинал один, в битком набитом зале, упиваясь своим горем и стыдом посреди счастливых, веселых и влюбленных людей. Радость других делает одиночество еще острее.

Тогда-то я и понял: надо уметь сказать «стоп»; нельзя позволять кому бы то ни было презирать тебя и играть твоими чувствами. Поэтому на следующий день я написал Кристен, дабы положить конец нашим отношениям...

Неожиданный звук бьющегося стекла заставил меня вздрогнуть, вернув в настоящее. Официант опрокинул полный поднос посуды; его коллеги со смехом зааплодировали. Я слушал их некоторое время, затем позволил телевизору, подвешенному на стене, завладеть моим вни-

⁵ «Пусть шоу продолжается» (англ.) – самая известная песня британской группы «Квин» («Queen»).

⁶ «Спритц» («Апероль Сприц») – имеется в виду популярный коктейль на основе итальянского аперитива «Апероль», игристого вина и содовой.

манием, в надежде прогнать воспоминания о былом. Бесконечная информационная программа передавала обычный поток драм и скандалов, словно жизнь на планете сводилась исключительно к ним. Едва ли это могло рассеять мою меланхолию.

Вдруг я вспомнил об утреннем звонке двоюродной сестры. Мне до сих пор не давало покоя то, что я предугадал его. Это была она, интуиция? Но каким образом информация о ее звонке из самой Индии могла пересечь океан, чтобы добраться до моего мозга за доли секунды? Это было просто-напросто невозможно, противоречило всему, чему меня учили в школе, всему, что ученые сообщили нам об устройстве мира...

Но как тогда объяснить это совпадение? Случайность в качестве аргумента меня не удовлетворяла. Возможность того, что я по какой-то причине в первый раз за несколько месяцев подумал о Деборе именно в тот самый миг, когда она набирала мой номер, была такой слабой, что эта версия никуда не годилась.

Мне вспомнились слова Анны Сондерс, женщины из Форт-Мида: «...Предчувствие не только существует на самом деле, но мы еще и разработали методику, которая позволяет получить к нему доступ в любое время». Я сделал глоток кофе и глубоко вздохнул.

А что, если это правда?

В зале кофейни сидело всего несколько посетителей: семья с парочкой детей, словно приклеенных к экранам планшетов, молодая женщина, с сосредоточенным видом уткнувшаяся в свой ноутбук, и старый латиноамериканец, который читал газету, пережевывая маффин. Время от времени на его губах появлялась легкая улыбка как реакция на прочитанное.

Я снова подумал о том жизнерадостном пожилом мужчине, который помог мне поменять колесо. Я решил, что его сделала счастливым простая возможность оказаться полезным хотя бы кому-то.

На телеэкране появилась бегущая строка, сообщавшая о плохих новостях. Но очевидно, этого было недостаточно для того, чтобы обеспечить нам нашу ежедневную дозу негативных эмоций, потому что, закольцевавшись, новости снова перешли к изображениям недавно рухнувших зданий в Балтиморе и Чикаго. Горы непроходимых обломков, в которых копошились пожарные. Тревожные мигалки повсюду. Полиция, удерживающая толпу любопытных на расстоянии за черно-белой сигнальной лентой.

И вдруг на экране вслед за субтитрами «Любительское видео – эксклюзив» возникло изображение, немного размытое, с дрожащей картинкой. Я увидел чикагскую башню в огне, людей, с криками бежавших прочь. Камеру сильно трясло: скорее всего, человек, у которого она была в руках, находился среди бежавших, возможно, пытался. Стекла взорвались под воздействием пламени, выбросив осколки в пустоту. Затем в одно мгновение башня сложилась под собственным весом, исчезнув с горизонта почти естественным движением. В следующий момент перед зрителями на экране предстал взрыв коричневой пыли – и наступила полная темнота.

Затем на экране появился журналист с микрофоном в руке, стоявший у горы обломков.

Я отвел взгляд.

Все, кто сидел в кофейне, не сводили глаз с экрана, лица были искажены. У меня самого сжалось горло.

Я глотнул еще кофе, но он вдруг показался мне горьким. Поставив чашку на стойку, я вышел на улицу.

Я поехал домой, размышляя о своем отказе сотрудничать с ФБР. Безусловно, я думал только о собственных интересах. О своей ничтожной спокойной жизни. О карьере. О телепередаче. О том, чтобы купить подходящие шмотки.

Когда слишком много думаешь о себе, заканчиваешь жизнь в одиночестве.

Когда слишком печешься о своих интересах, получаешь только разочарования.

5

Форт-Мид, три часа спустя

Гленн Джексон и Роберт Коллинз встретили меня у трапа вертолета. Те же мятые костюмы, что накануне, будто они совсем не спали или легли одетыми. Несвежая рубашка Коллинза, кое-как заправленная в брюки, почти вываливалась наружу, как и его брюхо, вид у него был хмурый. Джексон выглядел приветливее, но быстро стушевался рядом со своим коллегой, который недовольно глядел на меня из-под насупленных бровей. Он злился за то, что они потеряли двадцать четыре часа? Или за то, что я вернулся?

Я позвонил Джексону, выйдя из кофейни, и тот мгновенно организовал мой перелет в Форт-Мид. Также я позвонил в контору по медиатренингам, чтобы перенести свой визит.

– Приду, как только разберусь с расписанием, – сообщил им я.

Агенты быстрым шагом проводили меня к небольшому зданию среди деревьев. Коллинз шел впереди, а Джексон – позади меня, замыкающим. Мы прошли через ту же комнату, где собирались накануне, и перед нами предстал длинный узкий и темный коридор. Когда дверь за нами закрылась с глухим звуком, мы оказались в душном полумраке, едва разбавленном синезеленым светом диодных ламп на потолке. Настоящий кошмар для страдающего клаустрофобией.

Когда мы остановились в конце коридора перед очередной дверью, Коллинз нажал на кнопку и подождал. В тишине стало слышно, как часто и с присвистом он дышит. Я почувствовал исходящий от него застарелый запах табачного дыма. На миниатюрном экране загорелась надпись «Входите», послышался резкий щелчок электрического замка, и дверь открылась. За ней обнаружилась небольшая комната, где ввиду полного отсутствия окон было ненамного светлее; комната была напичкана электронным оборудованием, кабелями, клавиатурами и усилителями и очень походила на студии звукооператоров тех немногих радиостанций, которые я посетил в свое время по приглашению на интервью. Одна из перегородок, полностью застекленная, граничила с другой комнатой, побольше, и тоже без окон. В нее мы и вошли.

Там стояла Анна Сондерс, руки за спиной, как на одном из портретов Наполеона. Она быстро улыбнулась мне в знак приветствия.

Мы расселись вокруг маленького круглого стола. Декор комнаты был весьма лаконичным: серое ковровое покрытие, стены и потолок полностью покрыты квадратными плитами звукоизоляции. Плотная законопаченная, звуконепроницаемая и лишенная видимого выхода наружу, комната была отрезана от всего мира.

– Скоро к нам прибудет с визитом Барри Кантор, – сообщила Анна Сондерс, не глядя на меня. – Думаю, он хочет с вами познакомиться и, конечно, подбодрить.

Я почувствовал, как раздуваюсь от гордости при мысли о том, что сам помощник президента едет, чтобы встретиться со мной.

– Вам приходилось когда-нибудь слышать о проекте «Звездные врата»? – спросила Анна. Теперь она смотрела мне прямо в глаза.

Роберт Коллинз сидел на своем стуле, скрестив руки на груди. Гленн Джексон, расположившийся напротив него, выглядел погруженным в себя.

Проект «Звездные врата»... Да, это название было мне знакомо.

– Это что-то из времен холодной войны, верно?

– Да, действительно, все началось именно тогда.

– Смутно припоминаю о чем-то связанном с паранормальными явлениями и русскими. Так?

Анна кивнула.

И тут вдруг я все вспомнил.

– Это была попытка использовать паранормальные способности, чтобы попытаться обнаружить секретные советские базы.

– В некотором роде.

Коллинз положил на стол руку и нервно забарабанил по нему пальцами.

– Я как-то читал статью об этом, – продолжил я. – Но проект остановили, что-то там не сработало, разве нет?

Анна с минуту смотрела на меня, не говоря ни слова, затем обменялась красноречивым взглядом с агентами ФБР и снова повернулась ко мне.

– Это официальная версия.

Она сказала это, продолжая спокойно смотреть на меня. Этот простой ответ прозвучал далеко не так безобидно, если подумать о том, что могло за ним скрываться.

Теперь настал мой черед изучить каждого из них. Взгляд Анны был спокоен, Роберт Коллинз снова скрестил на груди руки, на лице Гленна Джексона, как мне показалось, читалось удовлетворение от испытанного мной удивления.

Неужели они говорили правду? Возможно ли, что этот престранный проект продолжал тайно существовать?

Анна Сондерс встала и предложила нам напитки. Роберт Коллинз отказался жестом, выражавшим крайнее нетерпение.

– Все началось в 1972 году, – сказала Анна, – в Стэнфордском научно-исследовательском институте в Калифорнии, это отделение Стэнфордского университета. Физик Гарольд Путхофф проводил там исследования паранормальных явлений, с трудом находя для них финансирование. Он особенно интересовался предвидением и телекинезом, способностью разума воздействовать на материю. Однажды ему нанесли визит агенты ЦРУ. Секретная служба узнала, что Советский Союз вложил сумму, эквивалентную нескольким миллионам долларов, в исследования психических феноменов с военными целями: если вы сможете использовать ваш разум, чтобы контролировать материю, вы сможете контролировать оружие противника. ЦРУ восприняло угрозу крайне серьезно, так что там началась чуть ли не паника. Нужно было найти возможность противостоять замыслам Советов. Именно с этой целью они вышли на Путхоффа и решили финансировать его исследовательскую программу. Вскоре команда Путхоффа уехала из Калифорнии и обосновалась на охраняемой территории здесь, в Форт-Миде. Но работы физика по телекинезу не привели к серьезным успехам. Зато исследования в области предвидения были очень плодотворными.

– Что вы имеете в виду?

– В то время Путхофф работал в основном со своим партнером по имени Инго Свонн, который в ходе многочисленных опытов оказался способен интуитивно получать доступ к скрытой информации. Например, ему удавалось идентифицировать предметы, спрятанные в коробке и даже в неизвестных ему местах.

– Идентифицировать... без предварительной информации?

– Абсолютно.

– В это трудно поверить...

Коллинз положил кулаки на стол:

– Послушайте, у нас тут есть псих, который в любую минуту может взорвать еще одну башню. Думается, нам есть чем заняться, нежели выслушивать исторический экскурс о проекте и терять время на то, чтобы развеять сомнения мистера Фишера. Время работает против нас, перейдем к действию, ради всего святого!

Анна Сондерс напряглась и исподлобья бросила взгляд на Коллинза.

Гленн Джексон, видимо почувствовав возникшее напряжения, постарался сгладить ситуацию.

– Миссис Сондерс всего лишь хотела...

– Я не с тобой сейчас говорю! – сухо отрезал Коллинз.

От его грубости в комнате повеяло холодом. Джексон поудобнее уселся на стуле, вынул из кармана бумажный пакетик и достал из него конфету, поднес ко рту. Видя, что я за ним наблюдаю, предложил конфету и мне:

– Это шоколадно-зефирные медвежата. Французские.

– Он ест пародии на самого себя, – бросил Коллинз.

Никто не отреагировал. Я поблагодарил Гленна Джексона и повернулся к Анне.

Она смерила Коллинза холодным взглядом.

– Вы сами желаете заняться подготовкой мистера Фишера? – спросила она высокомерно.

– Я просто хочу, чтобы мы уже начали двигаться к цели.

– Нельзя научиться управлять самолетом, пока у тебя есть сомнения в надежности аппарата.

Роберт Коллинз со вздохом заерзал на стуле, а Анна Сондерс невозмутимо продолжала свою историю, рассказав мне об успехах, равно как и о трудностях, с которыми столкнулись исследователи предвидения, когда отчитывались о своих разработках перед ЦРУ.

В какой-то момент нас прервала вибрация ее смартфона.

– Белый дом, – пояснила она, отвечая на звонок.

Вызов длился лишь несколько секунд.

– Барри Кантор задерживается на встрече, – сказала она, закончив разговор. – Мы поедем перекусить в ресторан недалеко от Вашингтона, он присоединится к нам, как только разберется с делами. Отправимся на двух машинах.

– Теперь нам надо переться в Вашингтон? – возмутился Коллинз. – Напрасная трата времени...

– Просто поспешим!

Прошло уже несколько часов с момента моего появления в Форт-Миде, чего я совершенно не осознавал, поскольку отсутствие окон не позволяло увидеть, что день начал клониться к закату.

Мы разошлись по машинам. Я сел вместе с Анной, и мы последовали за автомобилем агентов, на который они поставили мигалку на магните. Через полчаса мы оказались в большом ресторане роскошного отеля. Переполненный зал ресторана являл собой несколько разноуровневых площадок, отделенных друг от друга ступеньками. Уже при входе вас окружал декор в стиле «тропический шик» с пальмами и банановыми деревьями повсюду и стеклянным полом, под которым находился громадный аквариум с экзотическими рыбками. В зале звучали вариации на тему популярных песен, хотя исполнявшего их пианиста, сидевшего за большим белым роялем, никто не слушал.

Проходя через ресторанный зал, я заметил один из своих детективов в руках у девушки лет семнадцати-восемнадцати, которая читала книгу прямо за столом, явно не обращая внимания на разговор людей постарше вокруг нее. По обложке я узнал свой седьмой роман.

Мы добрались до нашего столика и быстро сделали заказ. Анна повернулась ко мне.

– Ну что, развеял ли мой рассказ о проекте ваш скептицизм? – спросила она, слегка понизив голос.

– Ну... скажем... это интересно и даже захватывающе, но я всегда с трудом воспринимал то, что я не совсем понимаю. Если вы объясните мне, как интуитивным образом какая-либо информация может попасть в чей-то мозг, у вас будет больше шансов убедить меня в существовании предвидения...

Она обхватила себя руками, собираясь с духом:

– Это будет непросто.

Коллинз начал барабанить пальцами по своему смартфону. Джексон внимательно нас слушал.

– Путхофф и Свонн сами были одержимы поисками объяснения, – сказала она. – Они стремились любой ценой понять, как работает предвидение, как информация появляется в сознании человека, проходя через пространство. Самым естественным рациональным объяснением им казалось то, что предвидение действует через магнитное поле. Путхофф был практически убежден в выдвинутой гипотезе. Пытаясь ее доказать, он со Свонном провел эксперименты с изоляцией подопытного в клетке Фарадея – металлическом сооружении, защищенном от электрических полей. Тем не менее подопытному удалось, прибегнув к собственной интуиции, получить доступ к искомой информации. И все же этого было недостаточно, чтобы отказаться от этой гипотезы, поскольку существуют частоты, которые клетка Фарадея не способна блокировать, – микроволны и с другой стороны спектра предельно низкие частоты. Прошло много лет, прежде чем Путхоффу представилась уникальная возможность – он получил на три дня в свое полное распоряжение подводную лодку. И не какую попало, а исследовательскую субмарину «Таурус», способную погружаться гораздо глубже любой подводной лодки во всем ВМФ. На борт субмарины поднялись два провидца, и она погрузилась на глубину, способную обеспечить максимальную защиту от предельно низких частот: в толще воды, в ста семидесяти метрах ниже уровня моря и в ста пятидесяти метрах над океанским дном. При таком положении «Тауруса» уровень волновых частот уменьшался примерно на сто пунктов, то есть сокращался практически до нуля. Далее в некое засекреченное место, в ста пятидесяти километрах от субмарины, был отправлен человек, чье местоположение попросили определить провидцев. И каждому из них это удалось, с той же легкостью и тем же уровнем точности, что и обычно. Так что физик ошибся: интуитивная информация передается не с помощью магнитных волн.

– В таком случае как же это происходит?

– В том-то и вопрос.

Женщина сделала глубокий вдох, словно не решаясь продолжить.

– Единственно возможное объяснение не поддается проверке в нынешнем состоянии науки. И я не думаю, что вы готовы услышать его сегодня.

– Почему?

– Скажем, оно, безусловно, не такого рода, чтобы вы немедленно его приняли. Так что я предпочла бы поговорить об этом позже.

Она повернулась к Джексону и Коллинзу, оставив меня наедине с моим разочарованием:

– После ужина мы с Тимоти возвращаемся в Форт-Мид. Нужно форсировать его обучение.

Едва покончив с едой, Анна отправила сообщение ассистентке Барри Кантора, от которого так и не было вестей. «Подъедет с минуты на минуту», – озвучила она полученное СМС-сообщение.

– Мы подождем его в баре отеля, – тут же произнесла Анна свой только что набранный ответ. – Там будет спокойнее, – добавила она.

Мы уселись вокруг низкого столика на пуфы, обитые зеленым английским бархатом. Уютная, теплая атмосфера, двери, обрамленные, как в театре, бархатными красными портьерами, и бар из красного дерева с медными деталями.

Барри Кантор не замедлил появиться в сопровождении телохранителя.

Очень красивый мужчина, стройный и элегантный зеленоглазый блондин с открытой улыбкой и прямым взглядом, Кантор выглядел великолепно. В своем светло-сером костюме и модном галстуке в девять вечера он казался свежее, чем некоторые по утрам после душа.

– Рад с вами познакомиться, Тимоти, – приветливо сказал он мне с искренними нотками в голосе.

– Тоже рад, – ответил я, пожимая протянутую руку.

– Поздравляю с последней книгой, она мне очень понравилась.

– В самом деле? – произнес я, не сумев скрыть своего удивления от того, что меня читают в столь высоких кругах.

– Да, – подтвердил он. – Какая интрига, сколько действующих лиц...

Я поблагодарил его, не осмелившись заметить, что события моей последней книги происходили в замкнутом пространстве, а персонажей в ней было ровно пять.

С той же теплотой он поприветствовал Анну, Гленна и Роберта, затем огляделся вокруг и улыбнулся бармену и нескольким посетителям. Кантор явно привык быть в центре всеобщего внимания.

Он присел к нам за столик и, понизив голос, напомнил о желании президента в самые короткие сроки приступить к делу при помощи провидца, прибегнув к методике, разработанной в лаборатории.

– Это наша единственная надежда, чтобы как можно скорее остановить преступника, – заявил он. – Президент знает, какие результаты были достигнуты с помощью вашего подхода, особенно в области военной разведки, и он убежден, что и в данном случае вы также добьетесь успеха.

Кантор посмотрел мне в глаза доверительным и проникновенным взглядом, отчего я ощутил, какую большую ответственность на меня возлагают.

– Страна будет вам признательна.

Я не нашелся с ответом и ограничился кивком, сделав вид, что все понимаю. От его слов страх неудачи только вырос. Я не знал, на что способен, и сомнения насчет моего дара соединились с теми, что были у меня относительно самого предвидения.

В то же время я понимал, как буду гордиться, если дело выгорит. Я уже видел, как меня поздравляет сам президент, какое внимание ожидает мои труды; мои книги наконец получают признание. Слава, одним словом.

– Вас уже должны были предупредить насчет конфиденциальности проекта. Со своей стороны я хотел бы подчеркнуть степень секретности проводимой вами операции. Никто, слышите, никто не должен знать, что мы рассчитываем остановить преступника, используя интуитивный подход. Можете себе вообразить, с каким рвением пресса извратит и высмеет наши действия? Так что никому ни слова. Главное – сохранить имидж президента.

Я, естественно, кивнул.

Затем Барри Кантор призвал нас выложиться на всю катушку, отдавшись душой и телом этой миссии, и действовать как можно быстрее, ибо «на счету каждая минута». Когда он встал из-за стола, готовый отбыть по своим делам, мы сделали то же самое.

Мы уже хотели было попрощаться, когда я заметил девушку, которую раньше видел с моей книгой в руках за столом в ресторане. Она стояла у входа в бар и явно нервничала.

– Думаю, без автографа не обойдется, – сказала со смехом Анна.

Девушка приблизилась к нам в крайнем возбуждении.

– Вы же Барак Антор? – спросила она с блеском в глазах.

– Барри Кантор, – поправил тот.

– О да-а-а! Я видела вас по телевизору! Можно с вами сфотографироваться?

И, не дожидаясь ответа, она протянула мне телефон, не сводя глаз со своего героя.

– Пожалуйста, не могли бы вы снять нас? – попросила она.

Она встала рядом с Кантором, вся обратившись в улыбку.

– Сделайте несколько кадров! – велела девушка.

Я повиновался.

Потом она буквально вырвала телефон у меня из рук и устремила взгляд на меню устройства, чтобы посмотреть, что получилось.

– Супер! – сказала она. – Я просто счастлива.

Мы вышли из ресторана, и Барри Кантор вместе со своим телохранителем погрузился в большой черный седан, ожидавший его у входа. Хлопнули дверцы, и машина тотчас же тронулась.

Роберт Коллинз бросил взгляд на часы и покачал головой.

– И все ради этого? – бросил он.

На сей раз он был прав.

6

Обратный путь занял меньше времени, теперь автомобиль агентов следовал за нами. Получив свободу для маневров, Анна продемонстрировала откровенно спортивный стиль вождения, и мне стало интересно, уберегло ли ее сотрудничество с ЦРУ и ФБР от вездесущих радаров.

– Как вам кажется, мистер Фишер, насколько вы трусливы?

Я был обижен подобным вопросом. Неужели Коллинз и Джексон доложили ей о моей боязни высоты, о моей нерешительности перед тем, как сесть в вертолет?

– К чему этот вопрос?

Анна включила поворотник и обогнала впередиидущую машину.

– Потому что, если вы трусоваты, практика предвидения может отравить вам существование до конца ваших дней.

Я весь напрягся:

– Не знаю, насколько я труслив, но вы меня реально пугаете. Вы умеете продать ваши услуги...

Женщина спокойно улыбнулась.

Загорелся желтый сигнал светофора, и она надавила на газ, чтобы проскочить перекресток, заставив мотор взрывать.

– Боязливые люди склонны фантазировать, точнее, придумывать себе фильмы-катастрофы. Прежде чем сесть в самолет, они начинают воображать, что он рухнет; стоит им встретить подозрительного типа, как они уже видят, что он хватается их за горло, а когда им приходится выступать на публике, они заранее представляют, что их освистывают...

– А разве не всем нам это свойственно?

Она улыбнулась и бросила на меня лукавый взгляд:

– Вовсе нет.

– Ладно, и в чем тут проблема?

– Когда человек трусоват и обнаруживает у себя дар интуиции, когда он узнает, что в его голове может внезапно возникнуть достоверная информация, есть риск того, что он спускает свои внутренние страхи с картинками предвидения, примет за достоверную информацию фильмы-катастрофы, которые рождаются в его мозгу. И если таким образом вы будете убеждать себя, что ваш самолет *действительно* рухнет, встречный незнакомец *действительно* вас убьет или ваша аудитория *действительно* вас освищет, ваша жизнь может стать для вас адом.

– Это радует...

Она улыбнулась и снова прибавила газу, чтобы обогнать следующую машину.

– В таком случае следует научиться отличать свои страхи от предвидения, а это непросто.

Когда мы добрались до Форт-Мида, была уже глубокая непроглядная ночь.

Деревья в парке окутали подступы к маленькому зданию влажной прохладой с ароматами зелени. Слышалось уханье совы, невидимой во мраке.

Анна открыла дверь, и мы вошли. Пол заскрипел под ногами: запах древесной обшивки и полов усиливал ощущение того, что мы оказались в лесной хижине.

Анна быстро приготовила кофе, и мы вернулись в изолированную комнату в конце коридора, где устроились за тем же круглым столом. Она положила на стол пачку белой бумаги, включила перед собой ноутбук, дала мне черный маркер и попросила взять лист бумаги.

– Так на чем мы остановились перед ужином? – спросила она. – Ах да... на разработке методики.

Анна отпила кофе.

– Инго Свонн, – продолжила она, – провидец, который с самого начала участвовал во всех опытах вместе с Гарольдом Путхоффом; он считал собственный дар способностью, вообще свойственной человеку, полагал, что ее может развить каждый. Так что вместе с Путхоффом они поставили себе задачу обучить этому других. Много лет ученые работали над методикой, нацеленной на то, чтобы получать доступ к предчувствиям по команде. Эту методику назвали «*Remote Viewing*»⁷. Именно ей я и начну вас обучать. Но поскольку времени у нас нет, мы будем делать это в ускоренном режиме. Вам нужно постараться ухватить суть...

– О'кей.

– Мне придется быть очень требовательной, а вам – не отставать от меня.

– Сделаю все, что смогу.

– Начнем с быстрого теста на восприятие.

– Теста на экстрасенсорное восприятие?

– Просто на восприятие.

Любопытно, какое отношение это имеет к делу...

Анна открыла папку, лежавшую на столе, и вынула из нее несколько листов.

– Я буду показывать вам изображения или воспроизводить звуки, а вы должны записать ваши ощущения.

– Хорошо.

Она протянула мне первую картинку.

На ней мужчина с женщиной сидели за столиком в ресторане. У мужчины блестели глаза, а рука женщины зависла прямо над его рукой. Он явно был влюблен, но она? Она собиралась взять его за руку или, наоборот, хотела убрать свою?

– Запишите то, что вы ощущаете.

Я взял маркер и написал:

«Влюбленная парочка».

Анна нажала на несколько клавиш в ноутбуке, и я услышал запись вопля, леденящего кровь. Как будто тот, кто кричал, только что увидел ожившего мертвеца или серийного убийцу, который собирался на него напасть. Но я сомневался... Это был крик ужаса... или боли? В конце концов я выбрал страх.

«Крик ужаса».

Новая запись.

Стоны, страдание. Это был женский голос. Роды? пытка? Затем стоны стали громче и чаще и завершились серией вскриков. Тут не могло быть сомнений... Я почувствовал, что краснею. Анна хранила невозмутимость.

«Женский оргазм».

У меня возникло подспудное ощущение, будто я попал к ненормальным. Что я здесь делаю?

Затем было еще одно изображение и еще одна запись, и наконец Анна решила устроить разбор.

– Изображение номер один: что вы почувствовали?

– Влюбленная пара.

– Что навело вас на эту мысль?

– Ну... взгляд, положение руки... Это кажется мне достаточно очевидным, разве нет?

– Аудио, которое последовало за картинкой, что вы слышали?

– Крик ужаса.

– Откуда вы знаете, что это был крик ужаса, а не радости или, например, боли?

– По интонации.

⁷ «Удаленное видение» (англ.).

– А что с ней?

– Она заставила думать скорее о страхе, чем о чем-то другом.

– «Заставила думать»... Но вы смогли почувствовать страх кричавшего в этом звуке?

– Нет, конечно не почувствовал. Я внимательно прослушал запись и сказал себе, что, возможно, подобный звук характерен для страха, ужаса.

– О'кей. Запись номер два, что с ней?

Я сделал глубокий вдох:

– Если вам действительно хочется, чтобы я произнес это вслух, пожалуйста. Это женский оргазм.

– Почему вы решили, что речь идет об оргазме?

К моим щекам вновь прилила кровь. Глупо, но я не мог этого контролировать.

– Это кажется очевидным, нет?

– Что заставило вас так подумать?

Мне стало по-настоящему жарко... до удушья. И вдруг я разозлился на Анну за то, что мне приходится все это терпеть. Ситуация приводила меня в ярость. В какие игры она вздумала играть, в конце-то концов?

Я через силу взглянул ей прямо в глаза:

– «Что заставило меня так подумать?» Опыт. Когда мужчине удастся добиться чего-то подобного от женщины, он этого не забудет, поверьте мне.

Она откинулась на спинку кресла и спокойно посмотрела на меня:

– Откуда вы знаете, что она не притворялась?

Это что, диалог сумасшедших? Я нервно запустил пальцы в волосы.

– Ну это же очевидно, по-моему...

– Как вы можете быть в этом уверены?

Я начал что-то бормотать, обливаясь потом, и она, видимо почувствовав наконец, что перешла черту, включила новую запись, а потом показала мне еще одно изображение.

Затем она собрала свои бумаги, лежавшие на столе, скрестила руки и посмотрела мне в глаза:

– Тест окончен.

Самое время.

– Ладно, так по каким пунктам я оказался прав? – спросил я в некотором раздражении.

Молчание, ее взгляд по-прежнему был прикован ко мне.

– Ни по одному. Ноль.

Я был раздавлен.

– Вы уверены? Все же...

– Это были не ощущения.

– Что?

– Ваша цель заключалась в том, чтобы записывать ощущения.

– Да...

– Ну вот, а все, что вы записали, – это не ощущения.

– Как это?

– Это интерпретации.

– Я вас не понимаю.

– Возьмем первое изображение. Ваше ощущение – это взгляд мужчины и движение руки женщины.

– Ну да!

– И вы сразу же интерпретировали этот взгляд и этот жест в определенном смысле: *любов-ные отношения*. Но смысл предоставил вам ваш разум, это не имеет отношения к чистому ощущению.

– Возможно, но признайте, что такая интерпретация вполне допустима...

– Вопрос не в этом...

Я глотнул кофе и откинулся на спинку стула. Вероятно, в абсолютном смысле она не ошибалась, но все же я не мог избавиться от чувства, что она играет словами.

Анна не сводила с меня глаз, как будто пытаюсь уловить малейшие нюансы моей реакции.

– Когда мы обратимся к вашей интуиции, вам предстоит ощущать вещи. То, к чему интуиция приведет ваш разум, – это и есть чистая информация. Если вы станете ее интерпретировать, вы ошибетесь в девяноста пяти процентах случаев.

С этой точки зрения, все, конечно, выглядело иначе...

Ладно, хорошо, мне нужно будет об этом помнить и не дать себе попасться в ловушку вполне естественного стремления придать определенный смысл полученной информации.

– Теперь вернемся к существу дела, – продолжила Анна. – Я прошу вас точно и полно записать все, что я вам сейчас скажу.

– О'кей.

– Вчера я говорила вам, что предчувствие – это способность разума получить доступ к информации, недостижимой обычным путем. Но термин «предчувствие» также означает и саму информацию. Отсюда широко распространенная фраза: «У меня было предчувствие...» Это ясно?

– Да, вполне.

– «Удаленное видение», разработанное Свонном и Путхоффом, – очень структурированный метод, позволяющий интуитивно войти в контакт с требуемой информацией. Эту информацию мы с вами станем называть целью. Согласны?

– Согласен.

– Например, ФБР требует от вас идентифицировать башню, которую наметил поджигатель для следующего теракта. Таким образом, в этом случае башня и будет целью.

– Очень хорошо.

Можно подумать, что это действительно возможно...

– Гипотеза, на которой базируется метод, заключается в том, что во Вселенной есть своего рода Матрица и она содержит всю информацию нашего мира. В своем обычном состоянии, то есть бодрствуя и в сознании, человек не имеет доступа к этой Матрице.

– Подождите... Я не очень понимаю, что за Матрица?

Анна на минутку задумалась и сделала глоток кофе.

– Я знаю, что разочарую вас, но, к сожалению, не могу дать ответ, который бы по-настоящему удовлетворил вас, по той простой причине, что Матрица не имеет физического воплощения и ни с чем вам известным не сопоставима. Я могу, конечно, провести определенные аналогии, но в таком случае я помещу в ваш мозг образы, которые отдалят вас от реальности. Например, если я скажу вам, что это нечто вроде огромного банка данных, в вашем мозгу появится образ компьютера. Если я скажу об универсальном архиве, вы представите старое здание, набитое пыльными документами. Естественно, Матрица не имеет ничего общего со всем этим, потому что ее не существует в физическом смысле, она не выражена материально как некий объект.

Ну-ну.

– Ваш ответ меня не удовлетворил, – сказал я. – Если Матрица физически не существует, то... где же она?

Анна улыбнулась:

– Тут я ничем не могу вам помочь. Она не находится в каком-то конкретном месте. Скажем, она присутствует в другом измерении, в другом пространстве; по сути, она состоит из всей этой информации, которая существует или когда-либо существовала во Вселенной. И может быть, она и есть сама Вселенная.

Я поморщился:

– Не стану скрывать, что с трудом готов поверить в подобные вещи. У меня есть склонность верить лишь в то, что я вижу.

Она рассмеялась:

– Но при этом то, что вы видите, не обязательно существует.

– О чем вы?

– Когда вы восхищаетесь светом ночных звезд, вы же знаете, что некоторых из них уже не существует.

– Да, это правда.

– Образ звезды приближается к вам со скоростью света, но при этом должны пройти годы, прежде чем он достигнет сетчатки вашего глаза. За это время звезда легко может взорваться и погаснуть, но вы продолжаете видеть ее каждую ночь, хотя ее не существует бог знает сколько времени...

– Точно.

Я налил нам обоим еще кофе.

– Возвращаясь к Матрице, – сказала Анна, – вам лучше не пытаться найти какой-то ее образ или воплощение в чем-то конкретном. Если вам так будет удобнее, можете просто сказать себе, что речь идет о способе указать некий объем информации относительно предметов, мест, людей, субъектов, отношений, видов деятельности, чувств, истории... Всего.

– О'кей.

Я положил кусок сахара в чашку с кофе и медленно вращал ложку, растворяя его. Мы молча пили кофе. Мало-помалу я привыкал к мысли, которую сначала отверг.

– Как я уже говорила прежде, – продолжила Анна, – человек не имеет доступа к Матрице в состоянии бодрствования и будучи в сознании. Но по-видимому, с Матрицей и со всем, что существует во Вселенной вне зависимости от наших знаний об этом, связано наше бессознательное, хотя эта область человеческого разума для нас также недостижима. Оно как бездонный океан, однако определенная доля информации находится почти на поверхности этого океана, в той его части, которую называют подсознанием. Нам представляется, что именно подсознание и соотносится напрямую с Матрицей, чем объясняется тот факт, что некоторая информация всплывает из глубин в форме предчувствия.

– Понимаю.

– Есть люди, у которых это происходит легко, даже спонтанно. Это экстрасенсы. И я думаю, что вы один из них.

– Позвольте в этом усомниться.

– В любом случае метод «Удаленного видения» ставит перед собой цель добиться свободного извлечения искомой информации, открывая доступ к нашему подсознанию. Вот почему вы будете часто слышать от меня о раскрытии. Раскрытие – это проход между подсознанием и сознанием, проход, через который информация попадает в наш мозг. Метод состоит из нескольких фаз, следующих друг за другом и позволяющих постепенно расширить это раскрытие, таким образом всякий раз вы продвигаетесь все дальше к цели. Напоминаю, цель – это то, что мы хотим найти с помощью предвидения. Это может быть место, объект или что-то другое.

– А как, собственно, этот метод приводит к раскрытию, позволяющему извлечь информацию из подсознания?

– Все началось с одного наблюдения. Гарольд Путхофф и Инго Свонн обнаружили, что восприятие интуитивной информации вызывает у человека непроизвольные микродвижения тела. Кроме того, ученые обнаружили связь этого открытия с открытием, сделанным несколькими годами ранее другими исследователями, которые доказали, что работа подсознания вызывает у человека эмоциональный отклик.

– То есть?

– Эти исследователи демонстрировали группе волонтеров фильм с внедренными в него подсознательными образами, то есть такими, которые задерживались на экране столь короткое время, что увидеть их осознанно волонтеры не имели возможности. Никто из них не мог сказать, что он видел. Так исследователям удалось установить, что, если воздействующие на подсознание образы были эмоционально заряжены, например обладали сексуальным или насильственным характером, это отражалось на волонтерах, в том числе проявляясь у них в потоотделении, поскольку оно тесно связано с эмоциональным фоном. Если обратиться к медицинским терминам, можно сказать, что вегетативная нервная система испытуемых реагировала на образы, которые сознание не в состоянии регистрировать. Отсюда вывод: определенная информация, отправляемая в подсознание, может вызывать эмоции и физические реакции. Точно так же в «Удаленном видении», когда человека просят интуитивно вступить в контакт с целью, это вызывает микродвижения в его теле.

– Удивительно!

– В первой фазе мы стараемся спровоцировать и записать эти микродвижения, усадив испытуемого за стол с листком бумаги и ручкой и попросив его позволить ручке бездумно и свободно скользить по бумаге, но при этом он должен концентрироваться на искомой цели.

– Это что-то вроде автоматического письма?

– Да, только при этом нужно писать не слова, а лишь позволить своей руке чиркать, что она хочет.

– А это не будут... бессмысленные каракули?

Анна рассмеялась:

– В каком-то смысле да, будут! Мы называем их идеограммами: это графические символы, которые несут первоначальную информацию о природе цели.

– Значит, вы умеете расшифровывать полученные каракули?

– Да, по крайней мере частично. Свонну и Путхоффу понадобились годы, чтобы установить связь между формой идеограмм и элементами, составляющими цель.

– С ума сойти...

– Я понимаю.

– То есть... выходит, что тот, кто думает о цели, которую он должен найти... вступает с ней в контакт, не очень понятно каким образом, и при этом совершает движения рукой, собственно раскрывающие информацию об этой цели.

– Совершенно верно.

– Это кажется невозможным.

– Ну, вам надо попробовать.

– Жду не дожусь...

Анна бросила взгляд на часы и вздернула брови:

– Уже почти два. Сейчас нам надо поспать, а утром продолжим.

– О'кей.

Она отвезла меня на своей машине в мотель, где ФБР зарезервировало для меня номер.

– Вас устроит, если я заеду в половине седьмого? Обычно четырех часов сна достаточно, чтобы отдохнуть...

– Согласен.

Я вышел из машины и окунулся в холодный и влажный ночной воздух. Анна Сондерс сразу же уехала.

В тот же миг на меня навалилась усталость. Я чувствовал себя совершенно измотанным; мне нужно было срочно лечь спать.

Застекленная дверь мотеля была заперта на ключ, стойка администратора тонула в полумраке, едва подсвеченном зелеными диодами сигнализации у аварийных выходов.

Я нажал на кнопку домофона, но ответа не последовало и никто не появился. Я нажал еще раз, с тем же успехом.

Черт возьми, мне осталось спать четыре часа, я не собираюсь провести их на этом холоде...

Я начал стучать в стеклянную дверь, сначала негромко, затем сильнее, и наконец в комнате позади стойки зажегся свет.

Оттуда вышел невысокий пузатый мужчина в рубашке и жилете, в черном галстуке, съехавшем на сторону, с опухшими веками, помятым лицом и тревожным взглядом. Он крайне неохотно приблизился к входной двери.

– Меня зовут Тимоти Фишер, у вас зарезервирована комната на мое имя!

Жестом он велел мне подождать, пошел проверить регистрационные записи и в конце концов открыл дверь и дал мне ключ от комнаты.

– Номер триста семь на втором этаже, – сказал он с сильным мексиканским акцентом.

Я поспешно добрался до комнаты, залитой резким холодным светом, который я сразу же погасил, предварительно включив ночник у изголовья кровати. Оранжевые стены в стиле семидесятых, на полу коричневый ламинат. Сильный запах дезинфекции из ванной комнаты.

Это напомнило мне сцену в одном из моих романов: герой, художник-миллионер, согласился помочь полиции в расследовании дела, в котором он невольно оказался замешан. Он был вынужден отправиться в путь, и ему пришлось останавливаться в захудалых мотелях, которые для него снимала полиция, в то время как он привык к роскоши самых знаменитых отелей мира.

У меня хватило сил лишь поставить будильник на телефоне и снять обувь; и я рухнул на кровать, не снимая одежды, спеша отключить сознание, чтобы скользнуть в бездонные и таинственные пучины собственной души.

7

– Возможно, у меня есть зацепка!

Гленн Джексон подскочил на месте и поднял взгляд на Роберта Коллинза, который ворвался в кабинет, распространяя вокруг атмосферу стресса.

Солнце едва просачивалось сквозь тучи, собравшиеся над штаб-квартирой ФБР в Вашингтоне, и плохо выспавшийся Гленн не был готов воспринимать такой напор с самого утра.

Коллинз сел на стол напротив него и скрестил руки на груди.

– Ниточка слабая, но ухватиться можно, – сказал он. – И есть надежда размотать весь клубок.

– Не садись так, Роберт. Ты забыл, что уже сломал один стол?

– Я нашел связь между двумя башнями.

Гленн поднял бровь и откинулся назад в своем кресле:

– Ладно, убери свой зад со стола и рассказывай.

Как обычно, Роберт проигнорировал его просьбу. Гленн часто спрашивал себя, почему его заставили работать с коллегой, который совсем не уважал его мнения.

– В обеих башнях размещались большие финансовые конторы, инвестиционные фонды. В обеих, ты слышишь меня? Не удивлюсь, если мы имеем дело с революционером-антикапиталистом. Типа, готов на все, чтобы разрушить систему.

Гленн поморщился:

– Не чувствую...

– От нас требуется не чувствовать, а думать.

Задетый за живое, Гленн не ответил и постарался глубоко дышать, чтобы сбросить напряжение. Он запустил руку в пакетик с шоколадно-зефирными мишками и отправил одного в рот. Тающий сахар немедленно принес ему чувство облегчения. Не очень-то хотелось нервничать с самого утра.

– Если ты в этом убежден, – сказал он, – тебе надо лишь установить наблюдение за всеми финансовыми фирмами.

– Я, разумеется, подумал об этом, но есть небольшая проблема.

– И какая же?

– В этой стране столько же финансовых контор, сколько пиццерий в Италии.

– Хреново.

– Ну да. Во всяком случае, я позвонил Барри Кантору и попросил его призвать директоров таких фирм к бдительности, но он отказал.

– Вот как? Почему?

– Не нужно пугать людей, так он сказал. И особенно трейдеров, я полагаю... Не хотелось бы, чтобы биржа рухнула за восемь месяцев до президентских выборов.

Гленн вовсе не испытывал любви к инвестиционным фондам. Не по политическим причинам: безусловно, эти конторы были необходимы, и уж конечно, там работало немало хороших людей, как и в любых других местах. Но трагедия, пережитая его отцом, когда Гленн был еще ребенком, оставила у него горькое послевкусие. Смелый и трудолюбивый, его отец создал клининговую компанию, которая со временем выросла до восьмидесяти сотрудников. Но банки упорно не желали финансировать ее развитие, так что в конце концов отец принял предложение молодого инвестиционного фонда, готового вложить в его бизнес приличную сумму. Его убедили в том, что куда лучше владеть восемью процентами будущего национального гиганта клининга, которым он станет, чем ста процентами местного малого бизнеса. Как только контракт был подписан, финансисты отстранили прежнего владельца от управления,

чтобы взять власть в свои руки, реструктурировать предприятие с убытками и другими проблемами, поставить его в ситуацию прекращения платежей, а потом, прежде чем возобновить деятельность, выкупить долю основателя за бесценок и в финале взвинтить стоимость предприятия до небес. Отец Гленна, обманутый и лишенный своего детища, заработал депрессию и язву желудка. Последняя из-за несвоевременного лечения переросла в рак, который и свел его в могилу.

Маленький Гленн так никогда и не понял, почему полиция не посадила в тюрьму людей, которые отобрали у отца его предприятие. Из этой ситуации он вынес глубокое чувство несправедливости, крайнее отвращение к деловому миру и пообещал себе, что когда вырастет, то станет полицейским и заставит всех уважать закон.

– Ты слышал? – спросил Гленн.

– Что?

– Треск.

– Какой треск?

– Стол, он, похоже, закричал.

– Не мели чушь!

– Дерево стонет, перед тем как сломаться.

Роберт пожал плечами, но все же встал со стола.

– Кроме того, – сказал он, – я попросил наших инженеров тщательно изучить, как именно происходила передача аудиосообщения от поджигателя в башни. Он должен был оставить хоть какой-то след, взламывая их системы безопасности. Нужно понять, как он это сделал, и быть начеку в следующий раз: быть готовым анализировать доступ к компьютерам в режиме реального времени, непосредственно в момент атаки на башню, чтобы засечь IP-адрес этого типа сразу после отправки сообщения. Так мы его и возьмем.

– Возможно. Я же, со своей стороны, делаю ставку на музыку... – заметил Гленн.

– Музыку, которую он транслировал при падении башен?

– Да. Я опросил всех свидетелей, кто ее слышал, чтобы установить, какая это была мелодия.

– Не понимаю, что это даст.

– Ее описали как странную и старомодную. Такую мелодию случайно не выберешь. Несомненно, тут есть какой-то тайный смысл. Я чувствую, это важно.

Роберт скорчил недоверчивую мину и повернулся к двери.

– Заруби себе на носу, – сказал он, стоя уже в дверях, – нам платят за то, чтобы мы думали, а не чувствовали.

8

Безжалостная серия звуковых сигналов телефона вырвала меня из объятий сна с жестокостью тюремщика, который выволакивает брыкающегося заключенного из камеры, чтобы отвести на эшафот.

Шесть часов утра.

Темень, хоть глаз коли.

Я отключил сработавший будильник. На экране высветился значок голосового сообщения, оставленного для меня кем-то накануне. Я хотел было проигнорировать сообщение, но случайно нажал на «Прослушать».

– Мистер Фишер, я Энтони Бузмен из Института медиатренингов. Звоню вам, потому что вы должны были назначить дату нашей встречи. Ваш агент, Билл Кримсон, предупредил меня о срочности вашего обучения, так что я удивлен, что вы до сих пор не вышли на связь. Буду благодарен, если вы свяжетесь со мной, как только получите это сообщение.

Я зажег ночник, стащил с себя одежду и доковылял до ванной комнаты. Ее освещение было ослепительно-ярким, и я немедленно выключил его, оставив дверь открытой и довольствуясь рассеянным светом ночника.

Теплая вода понемногу возвращала меня к жизни.

Я поспешно оделся и спустился к стойке регистрации. Ночной портье был все в том же разобранном состоянии. Он сообщил, что завтрак подают начиная с половины седьмого.

– Неужели у вас нечего съесть прямо сейчас, чтобы не дожидаться начала завтрака?

Он проводил меня к ужасному автомату с продуктами в полиэтилене по два доллара. Чипсы со вкусом барбекю, «Принглз» со сметаной и луком, чересчур сладкие шоколадные батончики...

– Может быть, на кухне найдется кусок хлеба?

– Еда будет готова к шести тридцати, сеньор.

Я капитулировал.

Подождал Анну за застекленной дверью первого этажа. Она прибыла вовремя, разорвав светом фар ночной мрак на парковке мотеля.

В машине приятно пахло маффинами.

– Я разогрела их дома перед выездом, – сказала она. – Так и думала, что в это время в мотеле не найдется ничего съестного.

Вскоре мы добрались до военной базы и припарковались под секвойей перед зданием лаборатории. Мы вышли в ночь, залитую туманом, густым туманом, который поглотил лес и окутал небольшое строение белой вуалью, пропитанной влажным запахом деревьев.

Пять минут спустя мы наслаждались еще теплыми маффинами, пока в кофеварке закипал свежий кофе, наполняя комнату своим ароматом.

– Есть вопросы по поводу вчерашнего? – спросила меня Анна с набитым ртом.

Какие могут быть вопросы? Скорее, сомнения...

– Думаю, мы можем продолжить.

Она встала, чтобы разлить кофе по чашкам.

– С сегодняшнего дня переходим к действию. Вы будете знакомиться с методом на практике.

– Очень хорошо, – ответил я, в то же мгновение ощутив внутри себя сгусток страха.

– Вчера я вам рассказывала, что во время первой фазы вы будете концентрировать внимание на цели, позволяя руке свободно рисовать и таким образом воспроизводить то, что называется идеограммой, которая предоставит нам первоначальную элементарную информацию о

природе цели. Эта фаза подготовит вас к раскрытию и даст нам возможность перейти ко второй фазе, и тогда вы будете определять чувственные элементы цели...

– Если у меня получится, – заметил я.

Она проигнорировала мою ремарку и продолжила:

– Раскрытие усилится, и в третьей фазе вы сможете сделать несколько общих набросков цели, которую начнете улавливать в пространстве. Априори на данном этапе мы уже должны будем собрать достаточно информации, чтобы помочь ФБР локализовать небоскреб, на который сейчас нацелился поджигатель, без необходимости идти дальше.

– А что, можно пойти дальше?

– Да, есть и другие фазы. В идеале вы можете собрать всю существующую информацию. На практике же чем дальше мы продвигаемся к абстрактным вещам, тем труднее становится.

– Ладно.

– Вы допили кофе? Тогда приступим.

– Вперед.

Она встала:

– Сначала потренируемся с описанием выбранного мной места.

Она вошла в аппаратную, порылась в ящике стола и вернулась с конвертом из крафтовой бумаги.

– Я положила сюда фотографию места, которое вы должны будете описать.

Она опустила конверт на середину стола прямо передо мной.

Я принялся разглядывать его, не в силах отвести глаз...

И вдруг я осознал абсурдность ситуации.

В этом конверте было спрятано фото места, которое меня просили описать...

Полный бред. Это совершенно невозможно.

– Я не провидец. Никто не способен угадать, что находится в этом конверте.

– Речь идет не о догадках. Все, что вам нужно сделать, – это связаться с целью.

В этот момент хлопанье двери заставило меня подскочить на месте. В комнату вошли Джексон и Коллинз.

Только их здесь не хватало.

Анна сделала им знак молча сесть в угол.

Она положила передо мной стопку белых листов бумаги и протянула черный маркер:

– Ограничьтесь тем, что будете следовать методике, которую я опишу вам этап за этапом.

Предупреждаю, все жестко структурировано. На разработку этой методики ушли годы, и все детали здесь не случайны.

Она объяснила мне, что каждую страницу, которую я буду использовать, нужно разделить на три колонки. Только в средней колонке будет записана собранная интуитивным путем информация. Две другие понадобятся для того, чтобы записывать различные изменения, которые могут произойти в моем сознании. Здесь тоже все кодифицировано, она поведет меня шаг за шагом.

– Сначала укажите в правом верхнем углу ваше имя, место и дату, а также время начала сеанса. Это нужно для архива, но также для того, чтобы сфокусировать вашу мысль на настоящем моменте.

Я повиновался.

– Теперь в левой колонке сформулируйте все, что вас сейчас волнует.

– Все, что меня волнует?

– Да, все, что вы чувствуете, будучи стесненным в физическом или моральном плане. В «Удаленном видении» это называется «неблагоприятные помехи». Таким образом вы освободите ваше сознание.

Я взял маркер и записал.

*Мне немного жарко
В комнате без окон у меня начинается клаустрофобия
Присутствие Коллинза и Джексона
Большие сомнения насчет существования предвидения
В ярости оттого, что теряю время
Боюсь, что у меня не получится*

– Очень хорошо, – сказала она. – Теперь я дам вам серию цифр, нечто вроде координат, которые я прямо сейчас присвою задуманному мной месту.

– Координаты, которые вы «прямо сейчас присвоите»?..

– Именно так.

– Но как вы можете «присвоить» координаты?!

– Я просто называю цифры, пришедшие мне в голову.

– Но... если эти координаты «пришли вам в голову», то они ни к чему не относятся... в них нет никакого смысла... Я имею в виду, что если они не соответствуют реальности, значениям долготы или широты, то не соответствуют... чему бы то ни было вообще.

– Я присваиваю цели серию цифр, которые приходят мне в голову, чтобы материализовать это место в вашем сознании.

– Ладно...

– Вы их запишете, повторяя вслух и концентрируясь на том месте, которое вам нужно найти.

– Как я могу концентрироваться на нем?.. Я ничего не знаю об этом месте.

– Вам достаточно сказать себе, что вы с ним связаны, и спроецировать ваше сознание в его направлении.

Полная ахинея...

– Если вы не можете в это поверить, – продолжила она, заметив сомнение на моем лице, – то притворитесь, что верите, сделайте вид, будто это возможно. Вот все, о чем я вас прошу.

– Хорошо.

– Итак, я дам вам координаты, вы повторите их вслух, записывая при этом на листе бумаги и концентрируясь на искомом месте, затем, не отрывая кончика маркера, сразу же позволите вашей руке чиркать, как ей заблагорассудится, не думая об этом и даже не глядя. Вы готовы? Начнем?

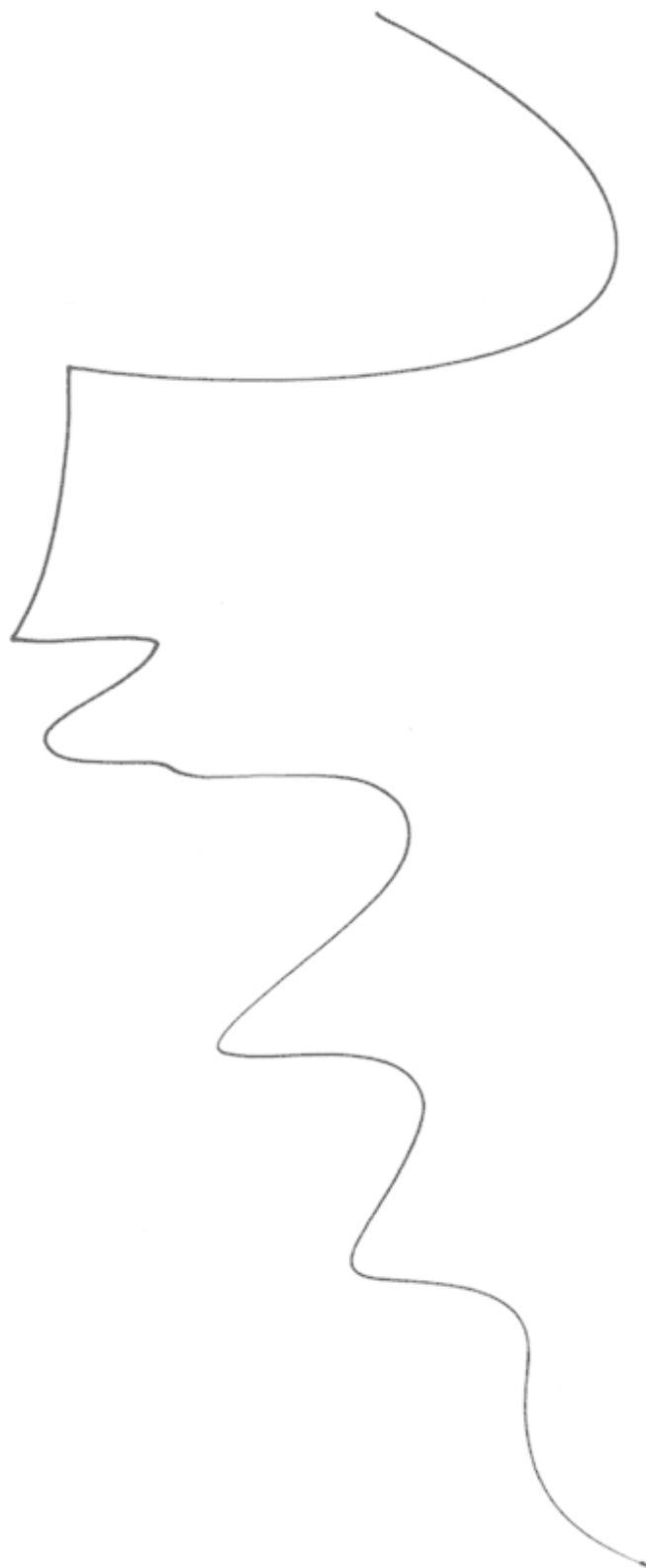
– Ок.

– 2, 0, 2, 0, 0, 9, 1, 6, 3, 5, 8.

Я повторил и скрупулезно записал каждую цифру, воображая, что связываюсь с указанным таким образом местом, затем позволил моей руке скользить наугад по бумаге.

Все это заняло едва ли секунды три. Мой рисунок походил... ни на что. Во всяком случае, не на какое-то место.

20200916358

– Очень хорошо, – сказала Анна. – Теперь мы его проанализируем.

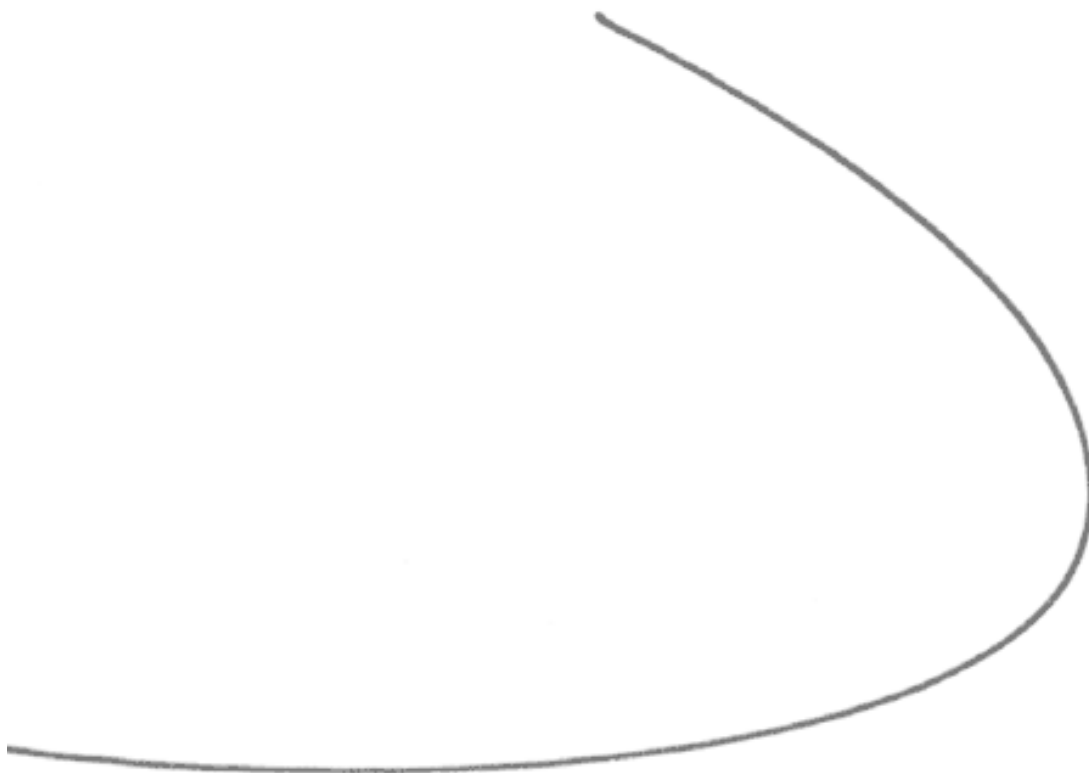
Я спросил себя, как, черт подери, можно анализировать что бы то ни было в этих бессмысленных каракулях.

– Мы разделим идеограмму на сегменты, чтобы обозначить различные структуры, которые можно идентифицировать.

И она нанесла на мою линию две маленькие черточки, разделившие ее на три части, которые она пронумеровала.

– Смотрите, – пояснила она, – первый сегмент представляет собой изогнутую закругленную линию.

– Да.

– Это указывает нам на присутствие в месте цели природных элементов, то есть пейзажа.

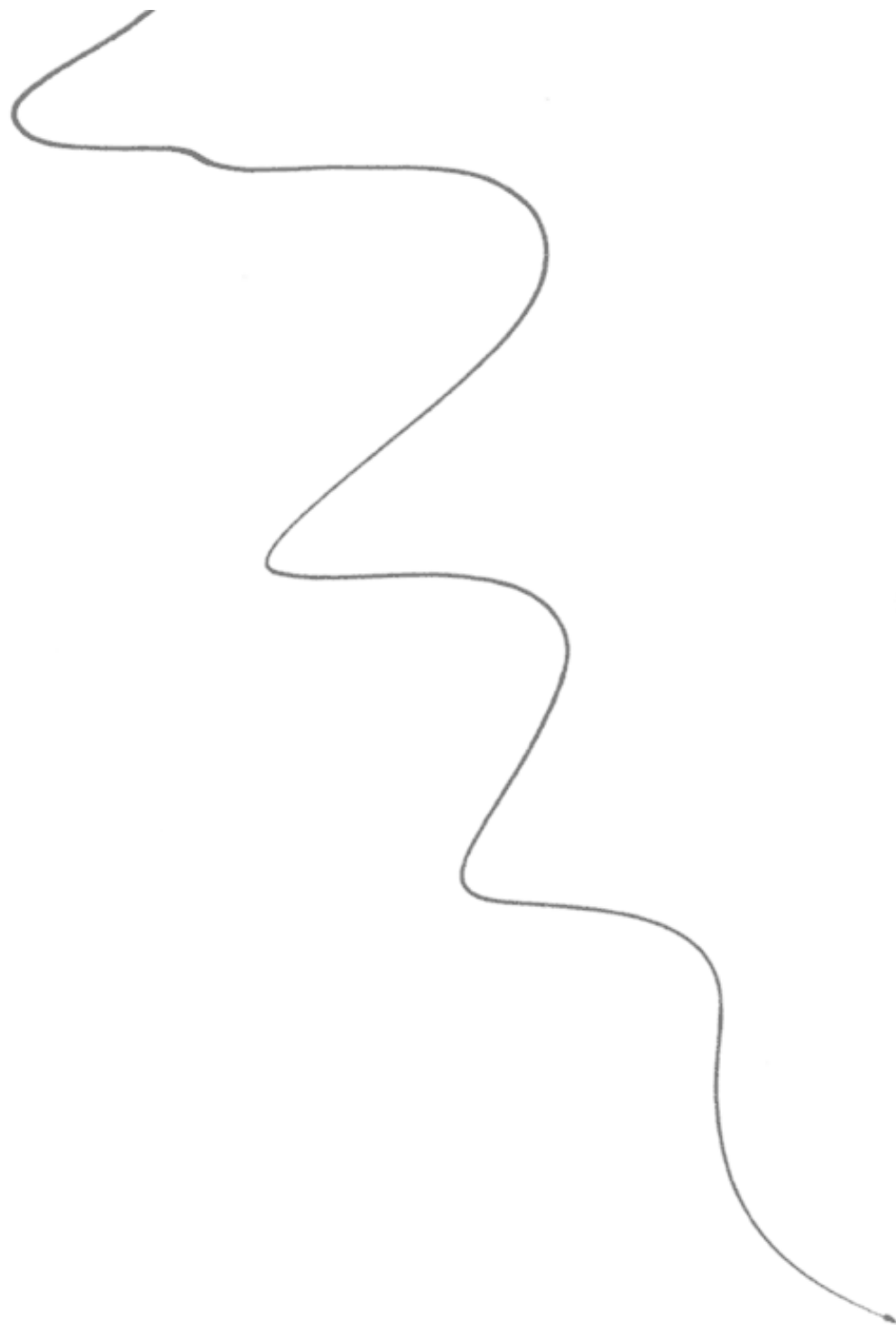
– Как скажете.

– Во втором сегменте ваша линия становится рубленой, появляются острые углы. Это знак объекта, созданного человеком.

– Неужели?

– А здесь, в третьем, появляется синусоида, будто вы нарисовали волну. Это сообщает нам о том, что в искомом месте есть вода.

Я молчал.

– Вы понимаете, что я говорю? – спросила она.

Я глубоко вздохнул:

– Вчера вы объяснили мне, что информация о цели, поступающая в подсознание, проявляется в виде микродвижений тела. Допустим. Предположим, рука дернется – почему бы нет? Но то, что полученные таким образом линии могут информировать нас о той или иной составляющей природы цели, это все-таки притянуто за уши, разве нет?

– Потребовались годы исследований, чтобы расшифровать их и установить связь между видом идеограммы, возникшей как результат этих микродвижений, и характеристиками места.

– И что, работает?

Она кивнула:

– Продолжим, не теряя времени. В первой фазе раскрытие невелико, а информация, полученная сознанием, мимолетна: она появляется и исчезает почти мгновенно. Теперь я попрошу вас уловить ощущения, которые вы испытываете на каждом сегменте идеограммы. Чтобы вам было проще, постукивайте кончиком маркера в разных местах вдоль нарисованной линии и записывайте по мере продвижения все, что вы чувствуете.

И вот я принялся постукивать вдоль первого отрезка, как будто хотел изобразить пунктирную линию вдоль сплошной.

– Здесь... твердое. Но каким еще оно может быть, не понимаю: бумага лежит на твердом столе, разве это не очевидно...

– Очень хорошо, запишите свои ощущения в центральной колонке, – сказала она, игнорируя мой сарказм.

Я повиновался.

Твердое

– А теперь сделайте то же самое в двух других отрезках линии.

– Но... не думаю, что что-то изменится... Я стучу по листку бумаги, который лежит на совершенно гладком столе: у меня, несомненно, будет одно и то же ощущение в любой точке листа!

– В чисто физическом плане – конечно, но не забывайте, что, производя эти действия, вы открываетесь цели, вы соединяетесь с ней, а микродвижения вашего тела позволяют вам идти ей навстречу, войти в контакт с ощущениями, которые она может у вас вызвать.

Если бы я находился не на официальной базе армии США в компании двух агентов ФБР, я взял бы ноги в руки, чтобы немедленно бежать оттуда прочь. Моя нынешняя компания очень уж походила на секту одержимых, еще более чокнутых, чем те несчастные, которых держат в обитых мягкими матами комнатах в психиатрической клинике «Пилгрим» на Лонг-Айленде...

– Ну же, – сказала она, – хватит задавать вопросы, действуйте.

Я взял маркер и начал постукивать, как было велено, вдоль другого отрезка кривой и... засомневался. Я переместил маркер к новому сегменту и...

– Дичь какая-то!

– Запишите то, что вы почувствовали, и в том порядке, как это случилось.

Невероятно, но я мог бы поклясться, что мои ощущения варьировались в зависимости от сегмента кривой. Я постукивал тем же самым маркером в разных местах одного и того же листка бумаги на том же самом чертовом безупречно плоском столе, но мои чувства разнились... Не кардинально, но они все же отличались друг от друга, вне всяких сомнений.

Прочное, но эластичное

Губчатое

После того как я проделал все то же самое с каждым сегментом моей идеограммы, мы перешли к следующему этапу.

– Теперь, когда раскрытие цели более выражено, мы можем приступить ко второй фазе. Она заключается в том, чтобы оставаться на связи с целью и записывать в центральной колонке все прилагательные, которые определяют ваши ощущения. Постоянно задавайте себе вопрос: «Какое оно?» – и записывайте абсолютно все, что придет вам в голову, и как можно быстрее.

Первой мелькнула мысль: «Большое» – и я поспешил ее записать.

Большое

– Мне кажется, что я вижу цвета, но решительно не могу понять, связаны они с целью или я просто их выдумал.

– Перестаньте задавать вопросы. Отключите сознание и записывайте все, что приходит вам на ум, не спрашивая, *откуда* это берется.

– Ладно.

Какое оно?

Большое.

Зеленое.

Освещенное.

Ощущения продолжали прибывать. Я почувствовал себя увереннее.

Освещенное солнцем

Желтое

Бежевое

Зеленое

Заросшее

Голубое

Плавучее

Вдруг передо мной появился четкий образ.

– Я вижу остров! Тропический остров, залитый солнцем и окруженный пляжами под кокосовыми пальмами. Это точно! Он прямо стоит у меня перед глазами!

Я был восхищен, чувствовал себя увлеченным и возбужденным.

– На этой стадии, – сказала Анна, – вы не можете получить настолько точную картинку. Это просто ментальная конструкция, интерпретация, которую ваш мозг производит из тех элементов, которые вы ощущаете.

– Вы уверены? Я очень ясно вижу этот остров. Странно, но я убежден, что цель – это именно...

– Запишите это в колонке справа.

Я нехотя сделал это.

Интерпретация: тропический остров

– Теперь, – попросила Анна, – проведите по бумаге рукой так, словно сметаете этот образ, символически изгоняя его из вашего сознания.

Я подчинился.

– Продолжайте, – сказала она. – И все время спрашивайте себя: «Какое оно?»

Какое оно?

Мне показалось, будто повеял ветерок.

Ветреное

Свежее

Звнящее

Серое

Ярко-голубое

Холодное

Вертикальное

Скалистое

Высокое

Головокружительное

– Я вижу, что это... Вижу очень четко вершину высокой горы, увенчанную отвесной серо-зеленой скалой, очень обрывистой, которая указывает в бескрайнее синее небо.

– Запишите это в интерпретации в правой колонке.

– Но я ясно вижу ее!

– Это снова ментальная конструкция. Запишите ее и гоните прочь из своей головы.

И в очередной раз я подчинился и продолжил.

Какое оно?

Несколько секунд пустоты, затем образ скалистого пика вновь возник в моей голове.

– Я прогнал его, но он вернулся.

– Запишите его еще раз.

Я сделал это и снова смахнул его рукой с бумаги.

Какое оно?

Зернистое

Основательное

Серое

Поросшее травой

Влажное

– У меня такое впечатление, что ощущения, которые меня сейчас посещают, – не предвидение, а всего лишь описание последнего образа, который у меня был.

– Хватит! Отключите мозг, вам нужно только чувствовать и записывать.

Я продолжил.

Водянистое

Глубокое

Спокойное

Плотное

Глухое

Голубое

Серое

– Я вижу огромный аквариум с серой акулой.

– Интерпретация.

Я покорно записал ее и снова взялся за дело. Насобирав таким образом еще штук пятьдесят прилагательных, в какой-то момент я застопорился. Чувства и ощущения кружились вихрем, но ничего нового не появлялось.

– Перечитайте все ваши заметки из первой и второй фазы, посмотрите, что встречается часто, обратите внимание на повторы, синонимы, а затем составьте описательное резюме обнаруженного места. И обратите внимание: в будущем от вас потребуют именно такое резюме, так что не забывайте ничего, но ничего и не добавляйте, сохраняйте верность тому, что вы уловили и записали.

Я выждал паузу, перечитал свои записи и написал:

В искомом месте есть рукотворная конструкция и природный элемент, присутствует вода. Есть серое, голубое, бежевое, желтое, это очень освещенное место, высокое, скалистое и вертикальное.

– Вы закончили? – спросила Анна.

– Думаю, да.

– Хорошо, напишите на листке время окончания.

Мой первый сеанс был завершен, он занял около сорока пяти минут, и я не знал, что обо всем этом думать.

– Ну что, откроете конверт? – предложила мне Анна.

Ее взгляд бы совершенно бесстрастен. Она знала, какое место загадала, знала, провалился я или преуспел, но ее лицо не выражало решительно ничего.

– О'кей.

Сгусток страха.

Джексон и Коллинз не сводили с меня глаз. Напряжение буквально висело в воздухе. Каждый понимал, что в это мгновение решалось все. Через секунду они узнают, можно ли на меня рассчитывать.

Дрожащими пальцами я схватил конверт, открыл его, подняв клапан... и достал фотографию статуи Свободы под дождем, сделанную с воздуха.

Какое разочарование...

Это никак не соответствовало тому, что мне удалось визуализировать.

Статуя из позеленевшей меди возвышалась на своем постаменте из розового гранита, окруженная травой, деревьями и темной водой.

– Ладно... это провал... мне жаль.

Гленн Джексон, с вытянутым лицом и безвольно повисшими руками, выглядел остолбеневшим, подобно статуе Свободы.

Я почувствовал смесь разочарования, унижения и досады оттого, что мне навязали участие в опыте, в который я никогда не верил.

– Подождите, – сказала Анна, – прочитайте ваше резюме вслух.

– Чего ради?

– Прочитайте, пожалуйста.

Я не смог удержаться от вздоха, беря в руки лист бумаги, чтобы прочитать во всеуслышание:

– «В искомом месте есть рукотворная конструкция и природный элемент, присутствует вода. Есть серое, голубое, бежевое, желтое, это очень освещенное место, высокое, скалистое и вертикальное».

– Вы слишком к себе суровы, – заметила Анна. – Напротив, у вас довольно хорошо описано искомое место.

Роберт Коллинз покачал головой и откашлялся.

– Описание мистера Фишера довольно неплохо подходит... к восьмидесяти процентам конструкций, – сказал он саркастическим тоном.

Анна буквально пригвоздила его взглядом, и он заткнулся.

Гленн Джексон запустил руку в карман, вынул из него медвежонка и сунул конфету в рот.

– Роберт прав, – заговорил я снова. – Кроме того, я видел яркое солнце, тогда как на фото льет как из ведра.

Либо этот метод никуда не годился, либо я полный ноль. В обоих случаях мне здесь было нечего делать, я только терял время.

Анна повернулась к Джексону:

– Выясните, пожалуйста, какая сейчас погода в Нью-Йорке.

Гленн достал из кармана смартфон и принялся нажимать на клавиши.

– Прекрасная безоблачная погода, – ответил он через несколько секунд.

Коллинз нахмурился.

– Напоминаю, – обратилась ко мне Анна, – что вы устанавливали связь не с фотографией, а с тем местом, которое на ней изображено. Статуя Свободы в настоящий момент залита солнцем.

Комната погрузилась в молчание, как будто каждому понадобилось время, чтобы переварить услышанное.

От мысли о том, что я по-настоящему смог установить связь с местом цели, у меня на секунду закружилась голова.

Уж не знаю почему, но тот факт, что я оказался в состоянии угадать нечто, изображенное на фотографии, лежавшей в конверте передо мной, представлялся мне более рациональным, нежели тот, что я сумел войти в контакт с местом, расположенным в трехстах километрах...

Я смотрел на Анну, взволнованный, сбитый с толку.

Затем разум взял верх.

– Это ничего не доказывает, – сказал я, – и не может быть принято в расчет. Сейчас конец марта, в Нью-Йорке солнечно через день. Так что это просто совпадение.

– Вот именно, – добавил Коллинз.

Я едва не поддался искушению восстановить свое доброе имя, но нужно было признать правду.

– Это провал, – настаивал я, возвращая маркер на стол. – А еще я думаю, что вы мне помогали: по правде говоря, вы не были нейтральны... Вы знали место, поскольку сами его выбрали, и если вы отвергали образы, которые приходили мне в голову во время сессии, то только потому, что вам было отлично известно, что они ложные. Любопытно, как бы вы реагировали, если бы они оказались верными.

Анна выдержала удар, явно уязвленная моим замечанием, и я осознал, что только что невольно обвинил ее в интеллектуальной нечестности.

– Когда проводишь научные эксперименты, – попыталась оправдаться Анна, – нужно работать вслепую: проводник не должен знать о цели, как и провидец. Но сегодня, с учетом срочности ситуации и того факта, что это всего лишь один из этапов обучения, я решила пренебречь этим правилом...

Я покивал головой в знак согласия, желая, чтобы меня простили.

Возникло неловкое молчание.

– Позволю напомнить, что в нашем деле, – нарушил тишину Коллинз, – необходимо получить достаточно точную информацию, которая позволила бы нам идентифицировать один из нескольких тысяч небоскребов во всей стране...

Он был прав, и все это понимали. У меня не было никаких шансов сделать это.

В конце концов Анна неохотно признала мое поражение.

– Я думаю, – сказала она, – вы слишком много размышляете. Ваш разум стремится контролировать ваши действия, вы задаете очень много вопросов, вы спрашиваете себя, все ли вы правильно делаете, но главное... главное – вы интерпретируете. Вам не нужно размышлять, нужно только воспринимать то, что приходит в голову. Ощущать и записывать – вот и все. Я предупреждала вас вчера: интерпретация – злейший враг интуиции. Предвидение поставляет вам сырую чувственную информацию. Ее нужно только уловить, принять и записать, не пытаясь расшифровать, не стараясь идентифицировать полученные сведения и придать им какой-то смысл. Это можно будет сделать позже, после того как вы их проанализируете. А пока нужно просто принимать то, что приходит, сохраняя полную нейтральность.

Возможно, она была права, я, конечно, слишком много думал...

– Это вовсе не очевидно, тем более что я запрограммирован действовать именно так. Все мое детство родители и учителя без конца повторяли мне, что нужно думать, прежде чем говорить, думать, прежде чем сделать выбор, думать, прежде чем действовать...

Она с понимающим видом кивнула:

– В предвидении все с точностью до наоборот. – И добавила: – От вас требуется не думать, а чувствовать.

9

Час спустя

Штаб-квартира ФБР, Вашингтон, округ Колумбия

Гленн едва успел выйти из лифта на пятом этаже, когда услышал звонок телефона в своем кабинете, в другом конце коридора. У него сразу же появилось ощущение, что это важно.

Он ускорил шаг, вошел в кабинет и снял трубку.

– Гленн, это Сандра из сорок восьмой коммутаторной. У меня звонок от мужчины, который говорит, что узнал мелодию, которая звучала в чикагской башне. Я вас соединю?

– Конечно, я отвечу.

Пара секунд ожидания.

– Алло?

– Добрый день, сэр. Я звоню относительно вашего опроса свидетелей. Услышал о нем по радио сегодня утром, – сказал невидимый собеседник с заметным среднезападным акцентом, от которого бизоны, наверное, в обморок падали. – В общем-то, я курьер, я находился в холле башни, когда раздалось сообщение об эвакуации. Я, конечно, тут же слинял, но все-таки слышал музыку. Ну, то есть музыка звучала до сообщения. Ага, точно, прямо перед ним. И я ее, конечно, узнал.

– И что это за мелодия?

– Знаете, я ее никогда не забуду, потому что мне было восемь лет, когда я услышал ее впервые, и в тот день умер мой пес. Я очень горевал тогда, прямо сильно...

– Так что это была за музыка?

– Из титров. Я смотрел фильм, и там была собака, которая умерла. То есть это был наполовину волк, но я все равно плакал, ведь только что потерял собственного пса. И там в конце фильма как раз и звучала эта музыка, очень грустная, вот, короче, она и зацепила меня.

– А как назывался фильм?

– Ну, то есть это была серия фильмов, в смысле не сериал, как сейчас, с кучей серий, но, как бы сказать, фильм с продолжением, что ли. Это было лет тридцать или сорок назад, вот. Ага, наверное, сорок, раз мне уже почти сорок шесть и...

– Вы помните название этого фильма или сериала?

– Понимаете, я бы, наверное, не вспомнил об этом, если бы не смерть моего пса в тот день, вот...

– Как фильм назывался?..

– Ну, это был фильм Джека Лондона, то есть я не знаю, снял он фильм или просто книжку написал, тут не разберешь...

– А название?

– «Зов предков».

Повесив трубку, Гленн медленно откинулся назад в своем кресле.

Его затошнило при мысли о том, что эти отвратительные преступления могут быть делом рук борца за экологию... Почему всяким психам всегда надо брать на вооружение самые благородные идеи?

«Зов предков»... В то же время какая связь могла быть между экологией и поджогами небоскребов, в которых размещались финансовые конторы? Финансовые фирмы не вредят окружающей среде... Если поджигатель действительно борец за экологию, тогда, по всей вероятности, Роберт Коллинз что-то упустил. В этих башнях сидело множество компаний, там наверняка располагались офисы нефтяников или еще кого-то в этом роде, кто загрязняет природу...

Гленн взял сигарету из пачки, лежавшей на столе, приготовился закурить, но передумал и посмотрел сквозь стекло на длинную череду зданий в нескольких кварталах от Белого дома.

Надо было действовать немедленно.

Однако Тимоти Фишер явно не подходил для того, чтобы им помочь. В этом смысле все складывалось неважно.

Гленн снял трубку и набрал номер коллеги, который осуществлял надзор за операцией по разбору завалов после взрыва в Чикаго.

– Есть что-нибудь новое? – спросил он.

– По-прежнему ничего, – ответил тот.

У коллеги, занимавшегося башней в Балтиморе, успехов было не больше.

Гленн вздохнул, потом позвонил Роберту Коллинзу.

– Как насчет пообедать?

– Ок.

– Увидимся внизу?

– Через пять минут.

– Годится.

Гленн повесил трубку, застыл на мгновение, затем набрал в поисковой строке браузера «Зов предков».

Он увидел десятки ссылок на фильм, но это была последняя версия 2020 года с Харрисоном Фордом. Он с трудом нашел еще одну, 1935 года, с Кларком Гейблом, а потом и еще одну, 1972 года, с Чарлтоном Хестоном. «Она», – мелькнуло в голове.

Он поставил запись и увеличил громкость на компьютере. Кабинет наполнила музыка.

«Старомодная и тревожная» – так описал ее кто-то из свидетелей. Отлично подмечено.

Две минуты спустя Гленн курил сигарету на тротуаре Пенсильвания-авеню, когда к нему присоединился Роберт.

– Где ты хочешь перекусить? – спросил Гленн.

– В соседнем ресторанчике, там будет побыстрей.

– В том, что на углу?

– Именно.

Мужчины пересекли Десятую улицу, и Гленн выбросил сигарету в решетку водостока, перед тем как войти в ресторан.

Они с Робертом наполнили тарелки в салат-баре и сели за столик в глубине зала, в некотором отдалении от остальных. Было еще рано, но посетителей хватало.

– Мне удалось немного продвинуться, – сказал Гленн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.